

Своя

сентябрь 2019

журнал
Никиты Михалкова

*Сентябрь, он осени начало...
А может, продолженье лета?
В такую пору не печалью,
А радостью душа согрета...
Он щедр на фрукты, корнеплоды,
Чудесный лекарь и добряк.
Кричат о сотнях тысяч благ
Его сады и огороды...*

*Николай Глазков
(«Сентябрь»)*

**На светлейшей
стороне**

Не просто Потемкин —
Таврический

**Рожденный
в СССР**

Как появился
День знаний

**Пик
кинематографии**

ВГИК отмечает столетие

ФОТО: РИА НОВОСТИ

БЫВАЮТ времена, когда люди живут лишь надеждами и ожиданием перемены своей судьбы; бывает время, когда только воспоминание о прошлом утешает живущее поколение, и бывает счастливое время, когда историческое развитие мира совпадает в людях с движением их сердец.

РОССИЯ тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала.

РЕВОЛЮЦИЯ была задумана в мечтах и осуществяема... для исполнения самых никогда не сбывшихся вещей.

Андрей Платонов (1899–1951)

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

сентябрь 2019

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Школа жизни	26–29	Философ о философе Трудно стать богом Духовная антропология Владимира Лосского
3–7	Наука побеждать На светлейшей стороне	30–34	Родное слово Сокровенный человек Платонову недоставало одного — «житейской ловкости»
8–11	Эпоха просвещения Джакомо из Бергамо «Кваренги делает нам восхитительные вещи», — говорила Екатерина II	35–39	Знак качества Дорогой лунною Это наш естественный спутник
12–15	Символ веры «Имя Ей будет Мария» Праздник Рождества Богородицы: история и смыслы	40–44	Стоп-кадр Пик кинематографии
16–19	Ретроспектива Рожденный в СССР	45–47	Записки охотника И холодный пламень их покрыл Северное сияние и вальдшнеп-полуночник
20–25	Культурная эволюция Иван Сытин: «Единственное благо человека — быть грамотным»	48	Трапезная Насолить по полной

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

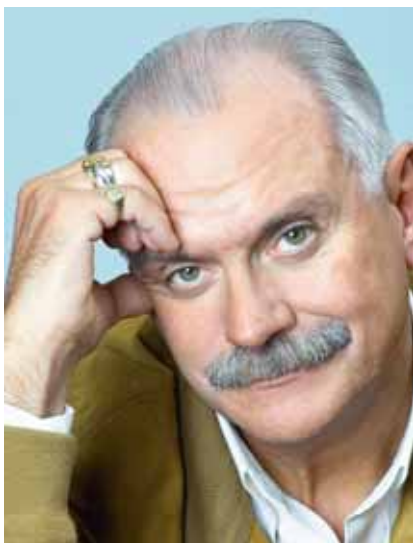
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 5543/19

Тираж 40 155

Подписано в печать 29 июля 2019 г.

Школа жизни

23 сентября 2014-го утром с Ярославского вокзала отправился весьма необычный поезд. Его пассажирами были вгиковцы — преподаватели, студенты, выпускники. Среди них — несколько выдающихся, прославленных мастеров отечественного кино. В течение трех с лишним недель этому составу, державшему путь во Владивосток, предстояли долгие остановки в 15 российских городах, тем же, кто отправился в далекое путешествие, — встречи с благодарными зрителями, концерты, фестивали, кинопоказы, театральные постановки, мастер-классы...

Грандиозная акция, посвященная 95-летию ВГИКа, содержала в себе множество разной степени очевидности смыслов и знаков: восстановленная связь поколений, возрожденные надежды на качественное развитие нашего кинематографа. Поезд — сам по себе метафора, позволяющая режиссерам, сценаристам, операторам — всем, кто имеет дело с киноискусством, — вот уже более века искать и находить все новые и новые образы-символы.

Особенная польза от той поездки была для студентов. Молодые люди, которые проехали от Москвы до Владивостока, прежде не могли и представить, НАСКОЛЬКО огромна и прекрасна наша страна.

1 сентября Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова отметит уже свое 100-летие. Программа юбилейных мероприятий обширна и разнообразна. Наверняка что-то из длинного перечня запомнится и деятелям отечественного кино, и его преданным поклонникам. Мне же, как и пять лет назад, хочется пожелать нынешним и будущим коллегам — раз и навсегда осознать одну нехитрую, но крайне важную вещь: хороший фильм может получиться, только если режиссер искренне любит родную страну, ощущает ее боль как свою.

Регулярно встречаясь с начинающими кинематографистами на лекциях, семинарах, мастер-классах, в том числе в своей Академии, я вижу, что они очень быстро овладевают нашим профессиональным языком, охотно знакомятся с элементами основных мировых киношкол, имеют представление и об энергетике атмосферы в кадре, и о психологическом воздействии аудиоэффекта, и о магии визуальных символов.

Дело за «малым» — использовать приобретенные знания и навыки так, чтобы зрители-соотечественники и через пятьдесят, и через сто лет продолжали смотреть наше кино. А для этого нужно помнить, что режиссура — это точка зрения, знание жизни, своя позиция и умение ее отстаивать.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke at the end.

На светлейшей стороне

Более эффективного менеджера, а точнее, благоустроителя страны в истории России, пожалуй, не было. Он не только реформировал армию, но и заложил основы развития многих отраслей отечественной экономики на десятилетия вперед. Заслуги великого екатерининского фаворита невозможно оспорить, хотя посмертная судьба сложилась печально: потомки Григория Потемкина недооценили, историки и литераторы долгое время писали о нем лишь как о всесильном временщике, самодуре и любителе роскоши. Чтобы исправить подобную несправедливость, нужно было всего лишь внимательно посмотреть в жизнь этого яркого, ни на кого не похожего человека.

О. МЕЙС. «ПУТЕШЕСТВИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ КАТЕРИНЫ II ПО ЮГУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1787 ГОДУ. АЛЛЕГОРИЯ»

Сергей Алдонин

Фаворит фавориту рознь

Будущий генерал-фельдмаршал, светлейший князь, могущественный царедворец появился на свет в родовом имении под Смоленском, в дворянской семье среднего достатка. Никто из его предков не вращался в высшем свете, не вписал имя в историю страны, к тому же Григорий рано остался сиротой. Мальчика пригрели дальние родственники. Он поступил в благородную гимназию Московского университета, которую окончил с золотой медалью. Рослый плечистый юноша, как ни странно, мечтал не о военной и даже не о дипломатической карьере, увлекался богословием и подумывал о духовном служении. Намеревался постричься в монахи и со временем стать архиереем. Однако Потемкин вовремя понял, что не в силах отказаться от благосклонности к нему прекрасного пола.

Поступил в гвардию. Правда, вскоре вновь начал мечтать о тихой жизни за церковной оградой. Молодого офицера мучили головные боли. По совету какого-то знахаря он неудачно поставил компресс и лишился глаза. В отчаянии подумывал о том, чтобы все-таки удалиться в монастырь. И все же мирские амбиции взяли верх.

Его роман с Екатериной развивался странно. Как и многие гвардейцы, Григорий Потемкин отличился в дни переворота, когда будущую императрицу возводили на престол. Но после этого он не занял заметного положения при дворе. Почти на десять лет всех затмили братья Орловы. Только потом выяснилось, что все те годы русская Семирамида присматривалась к одноглазому офицеру.

Когда началась война с турками, он приложил немало усилий, чтобы попасть в действующую армию. Проявил себя как храбрый и расторопный генерал. В 1770 году участвовал в знаменитом походе Петра Румянцева. В то лето русская армия трижды разгромила бесчисленные крымско-турецкие войска — при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. Главнокомандующий не всегда был доволен действиями Потемкина, и все-таки за вклад в те виктории Григорий Александрович получил свой первый весомый орден — Георгия 3-й степени. Дальновидный Румянцев постарался приобщить его к высшему свету. Сам Петр Александрович не любил вращаться в светских кругах, но умел внедрять в окружение императрицы своих людей. Впоследствии оказалось, что Потемкин не способен действовать по чьей-либо указке — не тот характер.

В это время завязалась его дружеская переписка с царицей. Благодаря письмам она и полюбила его. А потом, при встрече, они сблизилась окончательно. К тому времени государыне исполнилось 40 — возраст по меркам того времени совсем не амурный. Старый холостяк Потемкин был на 10 лет моложе.

Писаным красавцем его не находили: смугловатый, косой, громадный. Родственные души, как известно, можно определить по отношению к смешному и печальному. Григорий Александрович, как никто, умел рассмешить Екатерину, его остроты подолгу не выходили у нее из головы. И грустили они син-

СОБОРТ «ОСАДА ОЧАКОВА»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

хронно, утешая друг друга после безотрадных событий.

В 1774–1776-м они почти не расставались и, по-видимому, даже обвенчались — тайно, в Москве, в Вознесенском храме у Никитских ворот. У них родилась дочь Елизавета, носившая, по обычаям того жестокого по отношению к бастардам времени, усеченную фамилию отца — Темкина.

На него посыпались награды, звания и почести. Он стал вице-президентом Военной коллегии, получил графский титул и несколько деревень с тысячами крепостных душ. Екатерина восторгалась его одержимостью, неумным порывистым характером. Потемкин был ничуть не похож на немецких кавалеров — если чем-то увлекался, то днем и ночью не знал покоя, полностью отдавался страсти. Императрице нравилось, что этот франт и вертопрах в такие дни напрочь забывает и об этикете, и об аккуратности, ходит всклокоченный, взъерошенный. Государыню забавляла даже его неяршливая привычка грызть ногти во время важных государственных переговоров. Для любимого мужа она находила ласковые слова, которыми пестрят ее письма: «родная душенька моя», «золотой мой фазанчик», «сокровище».

Григорий Орлов приоткрыл для Екатерины ее вторую Родину, Потемкин распахнул для нее Россию — страну необъятных возможностей, великого терпения и благородства души, страну победи-

телей, необыкновенных людей — таких, как Иван Кулибин, которым они вместе восхищались, или чудакватый Суворов, не проигравший ни единого сражения.

Церковный брак не принес им семейного счастья. Идиллия оказалась недолгой. У мужа появились новые увлечения — и государственные, и амурные. Жена не отставала: очередного фаворита Петра Завадовского ей представил сам Потемкин. Не следует думать, что они были законченными циниками. Григорий Александрович то ревновал, то избегал Екатерину, но в конце концов, отбросив предрассудки, они нашли обоюдно удобный стиль взаимоотношений: полная свобода по части любовных походов, до которых царица оставалась большой охотницей и на шестом десятке лет. Потемкин тоже куролесил на славу. При этом оставался вторым человеком в государстве — безоговорочно. С этого пьедестала его не мог сдвинуть ни один фаворит. Бывшие возлюбленные по-прежнему почти каждый день писали друг другу откровенные и ласковые письма, подробно обсуждали государственные дела. Так, например, по их эпистолам можно в нюансах проследить этапы присоединения Крыма.

Григорий Александрович все больше внимания уделял государственным заботам, месяцами путешествовал по югу империи, обустроивая Новороссию.

Присоединение к России Крыма и Кубани — несомненная заслуга Потемкина, ставшего в те годы князем Таврическим и фельдмаршалом. Эти почести заслужены не в будуаре, а на трудной государственной ниве. Он умело выдвигал талантливых людей, находил их и пестовал. Среди любимых сотрудников — адмирал Федор Ушаков, дипломат Яков Булгаков.

Редкие свидания с Екатериной в ту пору напоминали встречи старых друзей после долгой разлуки, именно друзей, а не супругов и любовников.

Правда и ложь о потемкинских деревнях

Еще один триумф Григория Александровича — путешествие Екатерины по южным рубежам страны в 1787 году. Российскую самодержицу сопровождали европейские дипломаты и знатные особы, вплоть до австрийского императора. Это был бенефис Потемкина, а также международная премьера Новороссии и Крыма. Путешественники увидели новые русские поселения и корабли, стали свидетелями армейских маневров. Разумеется, князь Таврический стремился показать «товар лицом» и не обошелся без некоторой показухи, однако миф о картонных дворцах и хижинах имеет мало общего с реальностью. Да, Потемкин устраивал фейерверки, приказывал разрисовывать фасады домов. Но дома были не бутафорские, а самые настоящие.

Французский путешественник Форсия де Пилес несколько лет спустя с чьих-то слов пересказал для европейских читателей досужую легенду: «Оные многочисленные деревни, предмет ее восхищений, были созданы для проезда ее и разрушены в тот же день, и несчастные крестьяне, пришедшие за тридцать и сорок лье, чтоб стать по сторонам пути и жить в оных домах в продолжение нескольких дней, были отосланы восвояси. То было изобретение гения Потемкина, который сумел таковою хитростью нового рода убедить свою монархиню, что страна, почитаемая пустынею, процветает». Так и появилось понятие «потемкинские деревни», крайне несправедливое по отношению к деятельному управленцу, заложившему дожину городов и построившему черноморский флот.

История империй знает немало победителей, завоевателей. Потемкин умел осваивать необжитые территории, создавать среди степей форпосты, переселять туда землепашцев, ремесленников, налаживать торговые пути. Мы часто вспоминаем о том, что Россия

являлась житницей Европы, но забываем, что именно Новороссия и Кубань стали в свое время огромным сельскохозяйственным центром. А Херсон, Екатеринослав, Кривой Рог, Николаев из небольших поселений быстро превратились в заводские города. Вот вам и «потемкинские деревни».

Мало сказать, что Григорий Потемкин реформировал армию, он ее усовершенствовал. Покончил с прусскими тактическими догмами, ввел подразделения стрелков-егерей, разработал удобное обмундирование, отказался от макияжа, от всего, что бессмысленно изнуряло солдат.

Генерал-фельдмаршал рассуждал здраво: «Завиваться, пудриться, плесть косу — солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдата должен быть таков, что встал — и то готов». Эту мысль активно поддерживали наши лучшие полководцы Суворов и Румянцев. А солдаты сложили песню:

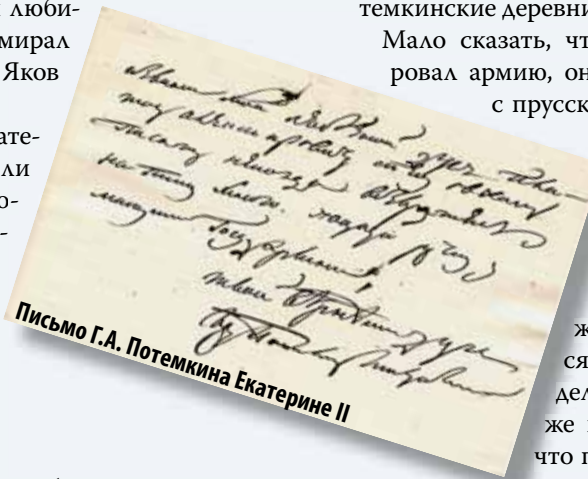
*Виват, виват, что волосы остригли!
Дай Бог тому здоровье, кто выдумал сие.
Виват, виват, кто выдумал сие!
Избавились от пудры, булавок, шпилек, сала.
Виват, виват, избавились всего!
Поди прочь, дерзка пудра, погано скверно сало...*

Так с бравыми лихими напевами русская армия стала сильнейшей в мире.

Стратегия во главе угла

В чем секрет его невероятных дипломатических успехов? Отчего турки без военного принуждения признали Крым нашим уже спустя полгода после мирного присоединения полуострова к России? Почему Британия отказалась от планов высадки десанта на Балтику? По какой причине Франция смирилась с тем, что Польша стала жить по указке из Петербурга, а не из Парижа? На все эти вопросы — ответ один: срабатывала стратегия Потемкина. С одной стороны, он оснащал армию, строил флот, с другой — организовывал шпионскую сеть по всей Европе, не жалея на это золота. Подкупавшие тамошних вельмож русские агенты оказывали влияние на большую политику от Стокгольма до Стамбула.

Он пытался избежать большой войны. Но к 1787 году новая схватка с Турцией за Причерноморье и Дунай стала неизбежной. Жезл главнокомандующего оказался тяжел. Когда буря разметала в щепки его детище — черноморский флот, — Потемкин впал в отчаяние: «Бог бьет, не турки». Но вскоре сказались пре-

имущества русской армии: Суворов побеждал на суше, Ушаков — на море. Отличился в той славной войне и главный военачальник. 17 декабря 1788 года, штурмуя по снегу и льду, русские войска взяли Очаков — турецкую крепость на побережье Черного моря, неподалеку от устья Днепра. Их вел на штурм сам Потемкин.

Считается, что он часто впадал в протрацию, депрессию, страдал приступами хандры. И впрямь, периоды активной публичной деятельности сменялись у него днями затворничества. Но не безделья. Всякий раз после кратковременного упадка духа он возвращался на свет Божий с новым тщательно продуманным проектом. Пересуды о приступах «душевной болезни» помогали Потемкину отгородиться от рутины, переключиться на размышления. В дни «хандры» светлейшего не беспокоили. Конечно, и ему при его невероятной работоспособности случалось переутомляться. Тогда он позволял себе на день-другой окунуться в пух-перо пассивного отдыха.

Григорий Александрович был несметно богат, но не умел копить, презирал деньги, сорил ими, даже в военных походах окружая себя и всех своих соратников, а равно гостей придворной роскошью столичной пробы. Потому и оставил, умирая, не только бриллиантов на миллионы рублей, но и ворох долговых обязательств.

В Яссах шли мирные переговоры. Новый договор должен был стать очередной викторией Потемкина. Он давно и тяжело болел. В октябре 1791-го, по дороге в Яссы, в непогоду, ему стало дурно. Его последние слова вошли в легенду: «Некуда ехать. Я умираю. Выньте меня из коляски. Я хочу умереть в поле».

Эта смерть потрясла Россию. Даже многочисленные недруги светлейшего склонили головы. Критически относившийся к нему Гаврила Державин посвятил почившему одну из самых величественных погребальных од:

Чей одр — земля; кров — воздух синь;

Чертоги — вокруг пустыньны виды?

Не ты ли счастья, славы сын,

Великолепный князь Тавриды?

Не ты ли с высоты честей

Незапно пал среди степеней?

Екатерина его оплакивала долго. В одном из писем вскоре после смерти князя Таврического признавалась: «После обеда, часов в шесть курьер привез горестное известие, что мой воспитанник, мой друг, можно сказать, мой идол князь Потемкин-Таврический скончался в Молдавии от болезни, продолжавшейся целый месяц. Вы не можете себе представить, как я огорчена. С прекрасным сердцем он соединял необыкновенно верное понимание вещей и редкое развитие ума. Виды его были всегда широки и возвышенны. Он был чрезвычайно человеколюбив, очень сведущ, удивительно любезен, а в голове его непрерывно возникали новые мысли. Никогда человек не обладал в такой степени, как он, даром остроумия и умения сказать словцо кстати». Никто и не заменил ей Потемкина.

Его современников поражало то, что столь великий человек умер в дороге, в глуши, под открытым небом. Всеобщая оторопь ощущается даже при виде гравюр, изобразивших эту кончину. Так проходит слава мира? Можно сказать иначе: так начинается бессмертие.

М. ИВАНОВ. «СМЕРТЬ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ Г.А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО В БЕССАРБСКИХ СТЕПЯХ», 1791

Эпоха просвещения

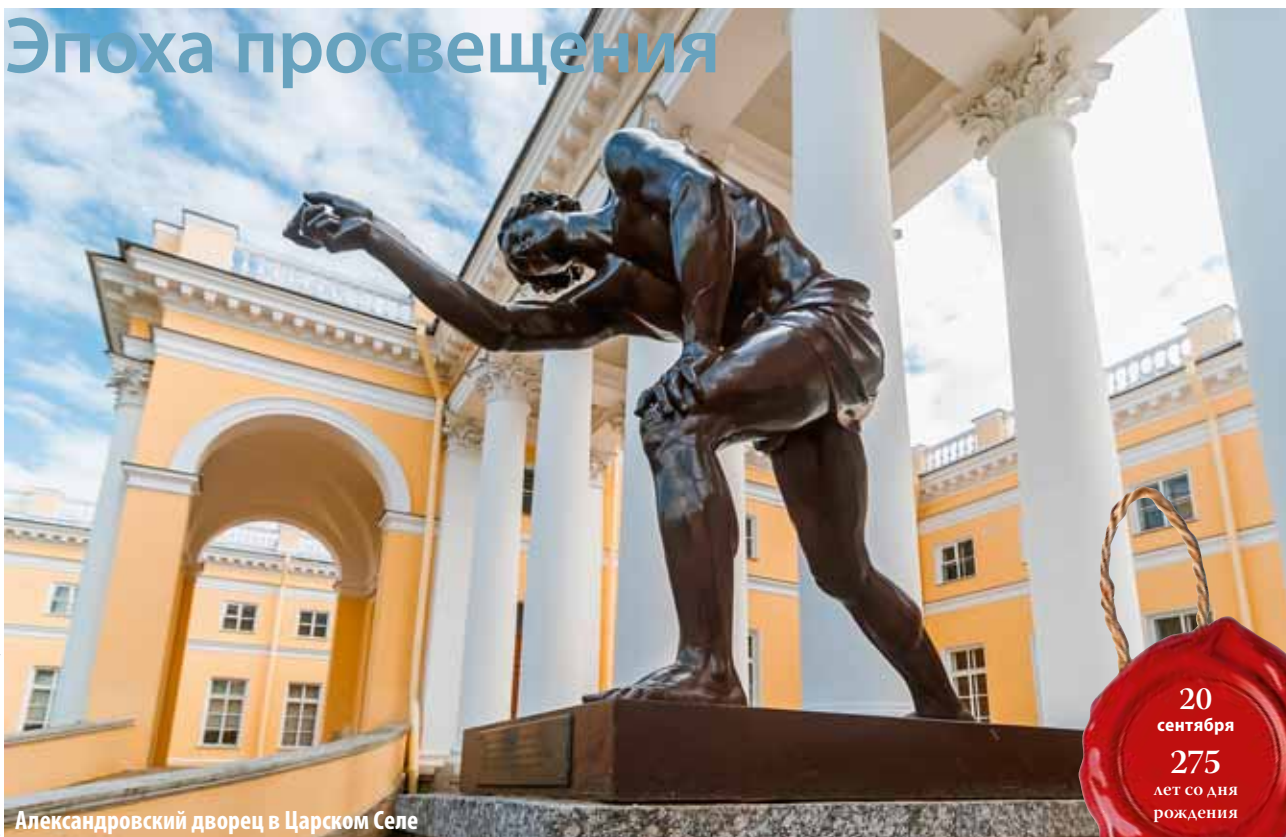

ФОТО: МАРИЯ КОПОСОВА/ТАСС

Александровский дворец в Царском Селе

20
сентября
275
лет со дня
рождения

Джакомо из Бергамо

Ксения Воротынцева

Наша страна всегда радушно принимала талантливых иностранцев. На протяжении веков в Россию приезжали итальянские зодчие, не только «продвигавшие» европейскую культуру, но и впитывавшие местные традиции. Список внушительен: от Антонио Джиларди, заложившего Тайницкую башню, старейшую в ансамбле Московского Кремля, до первого главного архитектора Москвы Пьетро Антонио Солари или Антонио Ринальди, по проекту которого возведен Большой Гатчинский дворец. Особое место занимает Джакомо Кваренги. Во-первых, он провел в Российской империи большую часть жизни — 37 лет. Но главное — здесь, на новой Родине, в полной мере раскрылся его талант. Здания Эрмитажного театра, Академии наук, Александровского дворца в Царском Селе вписали его имя в историю навсегда.

ДЖАКОМО Антонио Доминико Кваренги, родившийся близ Бергамо, осуществил в Италии лишь несколько проектов. Крупнейшим стал заказ на реконструкцию интерьера церкви Санта-Сколастика бенедиктинского монастыря в Субиако около Рима. В 35 лет мастер переехал в Санкт-Петербург. Императрица Екатерина II, пригласившая зодчего, упоминала о поиске архитекторов в одном из писем: «...я хочу двух итальян-

цев, поскольку у нас есть французы, которые слишком много знают и строят дрянные дома...».

Талант иностранца высоко оценили в России. Кваренги писал: «У меня так много-много работы, что я едва нахожу время есть и спать. Без преувеличения могу сказать, что среди тех многочисленных зданий, относительно которых императрица пожелала, чтобы их проекты были составлены мною и чтобы я руководил их постройкой, нет ни одного, которое не требовало бы для этого всего человека». Перечень объектов, возведенных маэстро в Северной столице, обширен. Например, Английский дворец в Петергофе, строгий и простой — в духе палладианства, принципы которого впитал итальянский мастер. Судьба этого сооружения, первой постройки Джакомо на русской земле, оказалась трагичной. Во время Великой Отечественной дворец был разрушен, теперь на этом месте стоит мемориальный камень.

Первым петербургским творением Кваренги стал Эрмитажный театр, проектирование которого началось в 1783 году. Сам зодчий вспоминал: «Я сделал амфитеатр полукружием по двум причинам. Во-первых, потому что каждый из зрителей удобней видит сцену, во-вторых, потому что зрители хорошо видят друг друга и доставляют прекрасную картину глазам, когда театр бывает полон». Императрица осталась довольна и предоставила архитектору пожизненную ложу, а также квартиру в театральном доме, где он прожил до самой смерти.

В том же 1783 году Кваренги начал работу над еще двумя зданиями — Академии наук (1783–1785) и Ассигнационного банка (1783–1790). Для просвещенной Екатерины II они имели особое значение: выступали символами развития

науки и банковского дела. Ассигнационный банк возвели на месте сгоревшего деревянного Морского рынка. А вот строительство Академии наук шло непросто, в процесс постоянно вмешивалась президент Академии княгиня Екатерина Дашкова. Кваренги в сердцах писал: «Я имею честь доложить Вам, что в утвержденном проекте нет никаких окон венецианского типа и что таковые там не могут быть сделаны без искажения интерьеров здания. Поэтому, если постройка будет закончена согласно утвержденному проекту, то это одно дело, если же проект должен быть изменен в соответствии с Вашими идеалами, то я не смогу продолжать эту работу». В итоге именитый зодчий устранился от руководства проектом.

Настоящей удачей итальянского архитектора стал Смольный институт благородных девиц (1806–1808). Строгое здание возвели по соседству с барочным Смольным монастырем, созданным по проекту Бартоломео Растрелли. В целом Кваренги — автор большого числа знаковых сооружений: Александровского дворца в Царском Селе (1792–1796), Екатерининского института (1804–1807), дворца Юсуповых на Садовой улице (1789–

1793). Последним столичным творением оказались деревянные Нарвские триумфальные ворота (1814) — впоследствии они обветшали и были заново построены в камне Василием Стасовым. Идеи итальянца во многом определили облик Северной Венеции, навеки связав его имя с Петербургом. Екатерина II еще в 1785 году писала: «Этот Кваренги делает нам восхитительные вещи; весь город уже полон его постройками, он строит банк, биржу, множество складов, лавок и частных домов, и его постройки так хороши, что лучших и быть не может».

Гораздо меньше известно о работе зодчего в Москве, хотя и здесь были осуществлены важные проекты. Скажем, нынешняя Бауманка — бывший дом канцлера Александра Безбородко, в 1790–1794-м преобразенный Кваренги. Впоследствии Безбородко продал сооружение Павлу I, который поручил Матвею Казакову вновь переделать здание в Слободской дворец. После пожара 1812 года дом был опять перестроен.

Впрочем, первой работой Джакомо в Москве стал Екатерининский дворец в Лефортово. Ранее здесь находился деревянный дворец Анненгоф, созданный Растрелли. В начале 1770-х началось возведение нынешней постройки, однако к 1781 году удалось завершить лишь «коробку». Тогда Екатерина II предложила Кваренги взять на себя руководство проектом. Мастер, живший и работавший в Петербурге, разрабатывал предложения дистанционно, опираясь на чертежи. Впоследствии облик здания претерпел немало изменений: после смерти императрицы здесь разместились казармы, а много позже обособился Кадетский корпус. О замысле Кваренги сегодня напоминают лишь внушительные колонны из серого песчаника.

Д. КВАРЕНГИ. «ВИД НАРВСКИХ ВОРОТ». 1814

Заказчиком архитектора были не только царственные особы и аристократы, но и купцы. По проекту итальянца возводились торговые ряды — в столице, а также в провинции. Например, в Иркутске в 1778-м было заложено здание Гостиного двора: за три года до этого пожар уничтожил местные торговые сооружения. В новом каменном здании разместилось примерно 200 складских помещений. К сожалению, сибирское творение иностранного зодчего сохранилось лишь на старых фотографиях, страшный пожар 1879 года уничтожил постройку.

В Белокаменной архитектор также создал новый Гостиный двор взамен прежнего, обветшавшего. Граф Яков Брюс, московский главнокомандующий, писал о состоянии старого дома: «...пришел в совершенную ветхость и угрожает разрушением и падением, как-то кирпич и белой камень из стен во многих местах уже выпадывает, а равно и крышка, стены и столбы начали обваливаться, отчего не токмо торгующие в магазинах, но как оный двор положение имеет на четырех улицах, то проходящие и проезжающие подвергаются крайней опасности, а паче от находящихся на

воротах башен, которыя совсем наклонились».

Кваренги подготовил проект, однако не учел сложный глинистый грунт. В итоге зодчему Матвею Казакову пришлось вносить изменения по ходу строительства. Работы продолжались с 1790-го по 1805-й, поскольку средства от купцов поступали нерегулярно. По окончании под крышей трехэтажного здания разместилось 760 лавок и амбаров. К сожалению, по время пожара 1812 года Гостиный двор оказался сильно поврежден. Восстановлением занимались мастера под руководством архитектора Осипа Бове. В 1838-м по соседству возвели Новый Гостиный двор, а творение Кваренги стали называть Старым Гостиным двором.

Знаковой постройкой, ассоциирующейся с именем итальянца, является Странноприимный дом — ныне НИИ скорой помощи имени Склифосовского на Сухаревской площади. Джакомо был близким другом заказчика, графа Николая Шереметева: в частности, разрабатывал проект для дома Шереметевых на Никольской улице. Граф, правда, отказался от замысла, решив взамен перестроить загородную резиденцию в Останкино. Иностраный зодчий принимал

участие в этих работах наряду с другими архитекторами.

Странноприимный дом Шереметев задумал открыть по просьбе жены — бывшей крепостной певицы Прасковьи Жемчуговой. Их брак стал вызовом светскому обществу. Глава древнего дворянского рода, имевший общего предка с Романовыми, и дочь кузнеца Ивана Горбунова, взявшая сценический псевдоним «Жемчугова», — подобный союз казался невыносимым. Члены семьи Прасковьи были крепостными Николая Шереметева. Девочку в семь лет взяли на воспитание в графский дом. Вскоре заметили ее музыкальные таланты. Уже в одиннадцатилетнем возрасте она дебютировала на сцене крепостного театра, а в восемнадцать своим пением покорила Екатерину II — императрица подарила девушке алмазный перстень. В 1798-м Шереметев дал вольную Жемчуговой и ее родным. Три года спустя он обвенчался с Прасковьей Ивановной в церкви Симеона Столпника в Москве. По преданию, свидетелем со стороны жениха выступил Кваренги. К сожалению, брак оказался коротким. В 1803-м Жемчугова родила сына Дмитрия и спустя три недели скончалась. За ее гробом шел и итальянский архитектор.

Странноприимный дом начали возводить еще в 1792 году, при жизни Прасковьи Ивановны. Автором проекта был Елизвуй Назаров — вольноотпущенный из крепостных, ученик Василия Баженова. В здании собирались разместить богадельню на 100 человек и больницу на 50 пациентов. После смерти любимой жены Николай Петрович поручил Кваренги переделать строение — придать облику торжественность. Зодчий, находившийся в Петербурге, не смог приехать в Белокаменную и работал дистанционно: присылал планы и чертежи. В частности, предложил заменить скромный портик на роскошную полукруглую колоннаду, ставшую

«визитной карточкой» дома. Планы итальянца воплотили местные умельцы, ранее построившие для семьи Шереметевых усадьбы в Останкино и Кусково. На возведение Странноприимного дома была потрачена гигантская по тем временам сумма — более трех миллионов рублей. Граф, увы, не дождался до открытия, состоявшегося в его день рождения, в июне 1810-го, он скончался за полтора года до этого. Тем не менее семья продолжила заниматься благотворительностью. Сын Дмитрий, вступивший в день совершеннолетия во владение имуществом, уверил императора Александра I, что «имеет усердное желание не только охранять во всей неприкосновенности памятник человеколюбия, родителем его воздвигнутый, Странноприимный дом в Москве, но и усугубить благотворительность заведения сего на пользу общую». Дмитрий действительно стал попечителем заведения и жертвовал

РИСУНОК: А. ОРЛОВСКИЙ

на содержание гигантские суммы. После революции в здании работала Московская городская станция скорой медицинской помощи. А в 1923 году дом стал одним из корпусов НИИ скорой помощи имени Склифосовского.

Кваренги, трудившийся при трех императорах — Екатерине II, Павле I и Александре I, умер в 1817 году и был похоронен в Петербурге

на католическом участке Волкова кладбища. Прекрасно изучивший русскую архитектуру, ценивший и уважавший культуру России, он всегда поддерживал связь с европейскими традициями — прежде всего с палладианством. Об этом свидетельствуют его слова о знаменитом трактате Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре»: «Вы никогда не поверите, какое впечатление произвела на меня эта книга. <...> С тех пор я думал только о том, чтобы изучать столь многочисленные великолепно построенные памятники, на которых можно научиться хорошим и совершенным приемам». Ориентация на храмовые постройки античности определила творчество Кваренги. Именно там, в шедеврах Древней Греции и Рима, мастер искал вечные идеалы, свободные от сиюминутной моды и несовершенства, чтобы затем воплотить их на заснеженных просторах своей новой Родины.

ФОТО: Б. МАМУШНИН/РИА НОВОСТИ

Георгиевский (Большой Тронный) зал Зимнего дворца, созданный по проекту Д. Кваренги

Символ веры

ИКОНА «РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ»

«Имя Ей будет Мария»

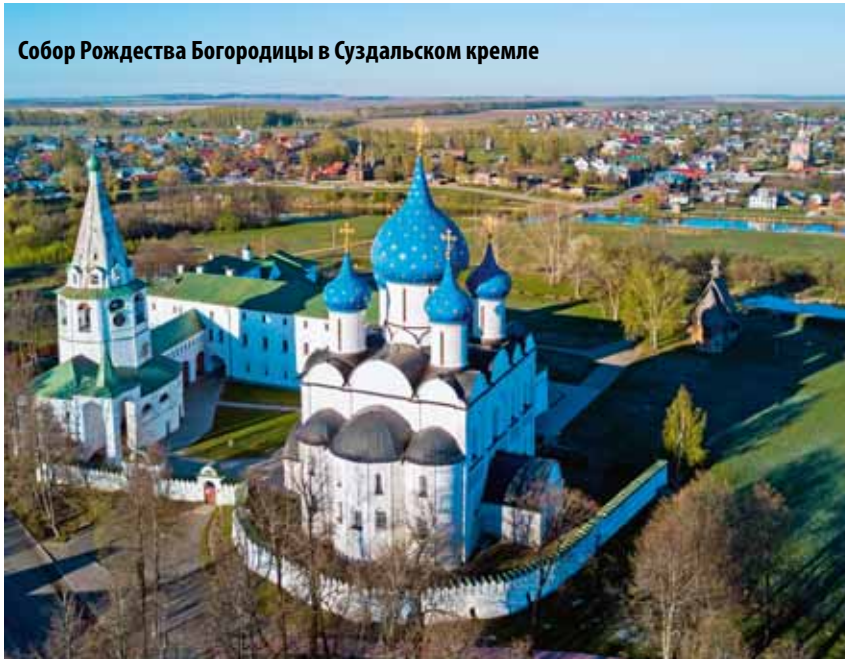
Валерий Шамбаров

Из всех двенадцатых праздников Рождество Пресвятой Богородицы в церковном календаре идет первым. Это первенство, надо полагать, не случайно, и дело здесь не только в том, что новый год на Руси когда-то начинался в сентябре. До того как человечеству явился Спаситель, в мире людей уже пребывала Матерь Божия. То есть история христианства началась, по сути, с появления Той, что родила Иисуса Христа.

Ежегодно 21 сентября православный люд отмечает праздник истинной веры, ее торжества над ограниченной человеческой логикой и пресловутым рационализмом, над страданием и отчаянием, несчастьями и немощами, осуждением и поношением. И даже над безжалостным временем. Это еще и день семьи, супружеской любви, которая с Божией помощью ведет к любви неизмеримо более высокой — небесной.

Собор Рождества Богородицы в Суздальском кремле

ФОТО: МАКСИМ БЛИНОВУРИА НОВОСТИ

Без вины виноватые

Смысл праздника открывается в истории святых Иоакима и Анны. Православная церковь почитает их как богоотцов, хотя для своих современников они были простыми, ничем, в сущности, не выделявшимися пожилыми людьми, да еще и из города Назарета, считавшегося «захудалым». При том, что оба могли бы гордиться своими предками: муж — из рода царя Давида, жена — первосвященника Аарона.

Высший Промысел соединил в их браке два начала сакральной власти — монаршее и духовное. Супруги отличались глубокой набожностью. Были воспитаны в настоящей, искренней вере, прочной семейной традиции, что видно хотя бы по их родственникам: например, племянница св. Анны — праведная Елисавета, будущая мать Иоанна Крестителя.

В те времена потомков героев Ветхого Завета было много, на высокое происхождение особого внимания не обращали. А праведность и милосердие, если они непоказные, зачастую бывают сокрыты от посторонних глаз. Супруги прожили в браке полвека и остались бездетными. В столь преклонном возрасте рождение ребенка, по че-

СВЯТЫЕ ИОАКИМ И АННА — РОДИТЕЛИ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

ловеческим понятиям, однозначно исключалось (иудеи причисляли бесплодие к явным признакам Божиего гнева): значит, где-то втайне от всех нагрешили.

Годами, десятилетиями супругам приходилось терпеть косые взгляды, перешептывания, сплетни, распускаемые за глаза, а то и открытые насмешки. Но однажды терпению пришел конец. Иоаким понес дары в Иерусалимский храм, и некий Рувим посмел бросить в лицо почтенному старцу: «Зачем ты прежде других желаешь принести свои дары Богу? Ты ведь не достоин, как ты бесплодный!» Мало того, первосвященник принял сторону наглеца, запретил праведнику при-

нести жертву, заявив: «Ты не создал потомства Израилю».

Обида и горе Иоакима были столь велики, что он прямо из храма, не возвращаясь домой, ушел в пустыню. Наложил на себя строгий пост, проводил время в беспрестанных молитвах. Когда об этом сообщили Анне, она духовно присоединилась к мужу. Обливаясь слезами, тоже стала горячо и усердно молиться. Виновной в бесплодии она считала себя (как бывает свойственно любящей жене, брала на себя любую вину, даже мнимую).

Радость мира

После многих дней и ночей, проходивших в покаянных молитвах и рыданиях, Анна вышла в сад, присела под деревом. И даже здесь ее беда напомнила о себе: в ветвях было гнездо, где пищали птенцы. Женщина вздохнула, наверное, всплакнула: «Даже птицы имеют детей, а у нас нет такого утешения в старости». Тем временем Господь уже услышал их молитвы. Перед несчастной явился Ангел — вестник Божий, и объявил ей: «Ты зачнешь и родишь Дочь, благословенную превыше всех. Через Нее получат благословение Божие и все земные народы. Через Нее дано будет всем людям Спасение. Имя Ей будет Мария».

Ангел предстал и перед Иоакимом, возвестил: «Твоя жена Анна зачнет и родит тебе Дочь, которая будет радостью для всего мира». Повелел возвращаться в Иерусалим и в подтверждение своих слов предсказал: свою жену старец встретит у Золотых ворот. Так и случилось. Потрясенный Иоаким поспешил в город. Увидел там, где было указано, молившуюся супругу. Они обнялись после разлуки, обменялись рассказами о небесных знамениях...

Вскоре Анна зачала, и в положенный срок на свет появилась Девочка. Супруги истово благодарили Бога, принесли Ему богатые дары. Дочь называли так, как было веле-

СИМВОЛ ВЕРЫ

но — Марией. Дали обет посвятить Ее Господу: это значило отдать в Иерусалимский храм, чтобы Она слушала там до совершеннолетия.

Иоаким устроил большой пир, куда созвал первосвященников, старейшин и всех знакомых. Поднял перед всеми Девочку, просил благословить Ее.

Разумеется, еще никто из них не знал, не догадывался, что перед ними Пречистая Матерь Божия, уже получившая куда более высокое благословение, что прямо на их глазах началась цепь событий, ведущая к величайшей Тайне Спасения мира. Однако все, конечно же, понимали: свершилось великое, невозможное без участия Господа, посрамившее хулителей, очистившее от наветов и восславившее престарелых праведников, чудо. Так в первый раз исполнились слова Священного Писания: «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла: это от Господа и дивно в очах наших» (Евангелие от Марка 12, 10). Данное пророчество исполнится и позже, когда воплотится в Самом Христе.

Миновало три года. Девочка сделала первые самостоятельные шаги, и это были шаги в храм. Отец и мать во исполнение обета пришли с Ней в Иерусалим. Поставили Ее на первую ступеньку храмовой лестницы, Она же неожиданно взбежала наверх, через все пятнадцать ступеней, даже не оглядываясь на родителей, как поступил бы любой ребенок — как к Себе домой! Присутствовавшие были ошеломлены, а будущий отец Иоанна Предтечи, первосвященник Захария по озарению свыше ввел Деву Марию в святая святых храма, куда сам имел право входить только раз в году (этому событию посвящена другая дата церковного календаря — Введение Пресвятой Богородицы во храм).

Осенины по-старорусски

Ее Рождество на Руси с древних времен было одним из самых любимых и почитаемых праздников, что закономерно, ведь в этот день пришла в наш мир Мать Иисуса Христа, главная Небесная Заступница, Помощница во всех бедах и напастях. Молитвы, обращенные к Ней в день Ее Рождения, считались особенно действенными, и весь православный народ собирался в храмах на торжественные службы. Если была возможность, отправлялись в церкви или монастыри, освященные в честь Рождества Божией Матери. Женщины ставили Ей особую свечу, которую готовили заранее, украшали ленточками, цветами. К нижней части крепили кусочек бумаги, на которой были записаны их нужды и просьбы. Внимательно следили за тем, какие из бумажек сгорят. Если вся превратится в пепел — значит Пресвятая Богородица поможет исполнить каждое прошение.

Этот день почитался и в качестве традиционного женского праздника, ведь отмечали Рождение самой великой из женщин в истории человечества, Той, что

Крестный ход в храме Рождества Богородицы в Старом Симонове

ФОТО: ОЛЕГ НАУМОВТАСС

связала людей с Богом. Это был и праздник материнства, семьи, укрепляемой верой. Он совпадал с финалом цикла полевых работ, окончанием уборки большей части урожая. Поэтому его называли «оспожинками», а также «осенинами», то есть встречей осени. Еще сохранялись некоторые дохристианские обряды, передававшиеся из поколения в поколение, однако языческое содержание они утратили, наполнились новым, православным смыслом.

Или остались на уровне простонародных обычаев. Так, женщины выходили в праздничных одеждах на берега рек или озер, приносили с собой овсяные хлеб и кисель, пели обрядовые песни, просили: «Богородице Пречистая, избави от маеты, насады, от других отведи, мое житие-бытие освети!» Старшая из женщин делила хлеб, который скармливали домашнему скоту, чтобы был весь год удачным. Кое-где в глубинке сохранились следы древнего народного календаря — завершение сельскохозяйственных работ считалось началом нового года. По этому поводу гасили в избах «старый» огонь, а новый, «живой», добывали трением дерева или высеканием с помощью кремня. Сжигали прежнюю одежду детей, переодевали их в обновы, предварительно облив водой: чтобы оставить в прошлом году болезни, порчу и все ненужное, никомудышное.

В деревнях Рождество Пресвятой Богородицы справлялось пирами-братчинами — одновременно с праз-

ником урожая. В этот день не постились, а работать считалось грехом. Щедро накрывались столы, за них садилась вся сельская община. Но опять же земные радости подкреплялись и ограничивались требованиями веры Христовой. Крестьяне благодарили Небесную Заступницу за то, что помогла наполнить их закрома, молили не оставить их на следующий год Своею милостью. Иногда гуляли по три дня. Но хмельного буйства при этом не допускалось, ведь пьяными выходками немудрено оскорбить Пречистую, испортить Ее праздник, а наказание может отразиться на всей общине. Поэтому пиршество поддерживалось вполне благопристойное, за порядком строго следили старшие. По тем же причинам в праздник Рождества Божией Матери категорически запрещались нецензурная брань, ссоры, гнев и прочие непотребные вещи.

Покровительство материнству, семейной жизни со стороны Богородицы, а также праведных Иоакима и Анны, да и сама история Рождества Девы Марии, озаменованная подвижничеством Ее родителей, отразились и в других народных обычаях. Бездетные женщины старались получше, повкуснее приготовить праздничные обеды для

бедных и нищих, просили тех молиться о чадородии. Если женщина в этот день не подала милостыню или вообще отказала что-то попросившему у нее человеку, то считалось, что она рискует в ближайший год не зачать ребенка.

Люди верили, что праздник Рождества Божией Матери — благоприятное время для создания семьи, для венчаний, сватовства, смотрин. А недавно вступившие

На Куликовом поле фактически родился новый народ. И это совпало с Рождеством Богородицы, Покровительницы Московской державы — новой Святой Руси

в брак молодожены должны были продемонстрировать, какая у них семья: приглашали в гости родственников, показывали, как налажено хозяйство. Жена угощала пришедших пирогом собственного приготовления. Родители и другие старшие давали свои наставления, советы. Если признавали, что се-

мья ладная, на правильном пути, то преподносили подарки.

Богородица на поле Куликовом

Еще одно содержание великий праздник приобрел на Руси в 1380 году, когда в день Рождества Пресвятой Богородицы на Куликовом поле сошлись рати великого князя Дмитрия Ивановича и нечестивого Мамаю. Схлестнулись в остервенелой рубке, кололи, резали, давили друг друга, рвали рты боевым кличем, воплями нестерпимой боли, корчились в предсмертной агонии. Русские воины поливали поле брани кровью, отдавали жизни за детей, жен, стариков, чтобы они жили в мире и спокойствии, радовались, трудились, возвращали новые поколения.

Вдохновляемая преподобным Сергием Радонежским вера одержала победу над математическими расчетами, «здравым смыслом», страхом, страданиями, злыми помыслами. Огромное войско Мамаю, щедро профинансированное западными купцами-работорговцами, по всем раскладам должно было шутя растоптать нашу страну, еще на несколько веков опрокинуть ее в безысходное рабство, обратить в источник чужеземных прибылей, потоков живого товара на европейские и восточные рынки.

Бесчисленная армия вдруг оказалась посрамлена, истреблена и рассеяна, а воинов князя Дмитрия сплотил общий подвиг. На Куликово поле они шли москвичами, ярославцами, белозерцами, псковичами, владимирцами. Возвращались — русскими, преодолевшими удельный разброд, связавшими себя общей исторической судьбой. В той битве фактически родился новый народ. И это совпало с Рождеством Богородицы, Покровительницы Московской державы — новой Святой Руси. В кровавом боевом крещении Пресвятая Дева стала для нашей страны Крестной Матерью.

В. МАТОРИН, П. ПОПОВ. «УДАР ЗАСАДНОГО ПОЛКА (КУЛИКОВСКАЯ БИТВА)». 1970

ПЛАКАТ В. ТАЛАШЕНКО. 1962

Рожденный в СССР

Валерий Бурт

1 сентября у нас, как известно, День знаний. Но таковым он был провозглашен сравнительно недавно, 35 лет назад, а до 1984 года знаменовал собой официально-торжественное начало учебного процесса, событие в меру яркое и праздничное.

В ПЕРВЫЙ осенний день по традиции, установившейся в советские времена, вновь оживают школы, бывшие техникумы — нынешние колледжи, вузы.

Единого для всех времени начала занятий до XIX века в учебных заведениях России не существовало. Обучение велось с сентября, октября и даже с начала зимы. В 1803 году вышли «Предварительные правила народного просвещения», содержавшие в себе основы тогдашней образовательной реформы. В частности, указывалось: учебный год должен начинаться 1 августа и завершаться 1 июля. Далее следовали каникулы, именовавшиеся «вакациями» или «роздыхом».

Школяров и студентов не баловали — «бездельничали» они всего-навсего месяц. Впрочем, в некоторых гимназиях начало учебы на две недели отодвигали. Знаниями по методически

разработанным программам дети и юноши обогащались ежедневно, кроме воскресений и больших праздников, за их вычетом учебный год включал в себя 240–241 календарный день.

В первые годы советской власти всюду царил неразбериха, которая не могла не затронуть сферу народного просвещения. Возникшие вместо упраздненных гимназий школы либо открывали учебный сезон 14 августа, как при старом режиме, либо жили по своему, кем-то установленному графику. Подобное продолжалось до сентября 1935-го, пока не вышло совместное постановление Совета народных комиссаров и ЦК ВКП(б) «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе». Согласно данному документу, учебный год начинался отныне 1 сентября.

Занятия в трех первых классах завершались 1 июня, в классах с четвертого по седьмой — 10 июня, с восьмого по десятый — 20 июня. Определялись конкретные время и продолжительность каникул. Зимний отдых длился с 30 декабря до 10 января. На весенний отводилось шесть дней. Об осенних «вакациях» ничего не говорилось, они были введены позже.

Почему именно 1 сентября? На сей счет есть разные версии. Но объясняется, вероятно, все довольно просто. В дореволюционной России, как уже было сказано, многие гимназии распахивали свои двери в середине августа. То есть по новому стилю, принятому в России в 1918-м, 27–28 августа. Но зачем открывать учебный год в последнюю летнюю неделю, если сам календарь подсказывает: начинать столь важный процесс нужно в первый день осени. В общем, советское руководство проявило стремление к упорядочиванию, и это касалось не только сроков обучения, но и многого другого. Партийно-правительственный документ обя-

зывал «директоров (заведующих) школ обеспечить внимательное и чуткое отношение к родителю и ребенку», наркомпросы и их органы на местах — «привлекать к материальной ответственности родителей или лиц, отвечающих за воспитание детей, за несвоевременное и запоздалое определение детей в школу», «в основу правил поведения учащихся положить строгое и сознательное соблюдение дисциплины, вежливое отношение к преподавателям, товарищам и старшим, привитие культурных навыков, бережное отношение к школьному и общественному иму-

ществу», «установить единую форму одежды» и общую для всех систему оценки успеваемости.

В соответствии с вышедшим в 1931 году постановлением ЦК ВКП(б) создавалась сеть образцовых школ. Их посещали наиболее способные дети рабочих, крестьян, служащих, а вместе с ними — отпрыски партийных деятелей, членов правительства, высокопоставленных военных и других именитых персон. Скажем, в московской образцовой школе № 25 (сейчас — № 175) учились Светлана и Василий Сталины, дочь Молотова, внушки Горького, сыновья Бе-

Украинская ССР. Первоклассники после уроков в начале учебного года. 1935

ФОТО: ЕЛИЗАВЕТА МИКУЛИНА/РИА НОВОСТИ

рии, Булганина, Микояна, Туполева.

Несмотря на «кастовые» различия, там царил демократия — с детьми советской элиты ребята из простых семей неплохо уживались. Разумеется, учителя держали в голове статус родителей и старались не обижать чад всеми уважаемых людей. Но находились и такие смельчаки, которые ставили оценки по справедливости, невзирая на лица.

Заслуживает внимания история, произошедшая во 2-й столичной спецшколе — с военным уклоном (по сути, одной из предшественниц суворовских училищ). Переведенный туда Василий Сталин слыл лентяем, и однажды у него возник конфликт с учителем истории Владимиром Мартышиным. Преподаватель считал юношу способным, но слишком избалованным. Сын генсека не учил уроки, плохо знал предмет, который вел Владимир Васильевич, и получил за неуспеваемость «неуд» в четверти.

Директор уговаривал преподавателя исправить «двойку» хотя бы на «тройку» — безуспешно. Тогда строптивцу было указано на дверь. Отчаявшийся Мартышин в поисках справедливости написал письмо Сталину.

Через несколько дней во двор дома, где жил учитель, въехал черный автомобиль. Два суровых, немногословных человека привезли письмо из Кремля. Дрожащими руками адресат распечатал конверт и увидел вырванный из блокнота, исписанный размашистым почерком листок.

«...Ваше письмо о художествах Василия Сталина получил. Спасибо за письмо. Отвечаю с большим опозданием ввиду перегруженности работой. Прошу извинения... Я рад, что в Вашем лице нашелся хотя бы один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе».

Своего сына «отец народов» назвал «избалованным юношей средних способностей», сетовал, что его портят «кумы» и «кумушки», постоянно упоминающие о

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШУСТОВ/РИА НОВОСТИ

Первоклассницы московской школы № 7 после первого урока. 1963

Школа № 175

том, кем является родитель.

Вождь советовал «требовать поостроже от Василия и не бояться фальшивых, шантажистских угроз капризника насчет «самоубийства»...» В конце письма генсек гарантировал Мартышину поддержку и обещал время от времени брать баловня «за шиворот».

В итоге бедолагу-учителя восстановили на прежнем месте работы, а боязливого директора, напротив, уволили. Сталинское письмо датировано 8 июня 1938-го, так

что, судя по всему, 1 сентября того же года уже было отчаявшийся, потерявший надежду найти достойную работу Владимир Васильевич встречал своих учеников в стенах 2-й спецшколы.

В следующем, 1939-м, аккурат в первый день нового учебного года, началась Вторая мировая — Германия напала на Польшу. Много позже Иосиф Бродский писал об этом так: «День назывался «первым сентября». / Детишки шли, поскольку — осень, в школу».

Осенью 1939-го граждане СССР в большинстве своем полагали, что разразившаяся в Европе буржуазная война нас совершенно не касается, убеждали себя, что на нашей земле восторжествовали мир и покой...

Через два года день 1 сентября почти утратил свое безусловное значение, к примеру, студенты трех московских педагогических вузов ввиду особых обстоятельств приступили к занятиям 1 августа. А в последних числах того месяца в «Учительской газете» была опубликована беседа с наркомом просвещения РСФСР Владимиром Потемкиным. Он рассказал, что школы получают учебники, тетради и другие необходимые принадлежности, но главное внимание будет уделено военно-физкультурной подготовке: «Учащиеся должны будут научиться преодолевать препятствия, владеть оружием, метать гранаты, переплывать реку, вести рукопашный бой... Задача каждого педагога — прививать учащимся такие качества советского человека, как героизм, самоотверженность, презрение к смерти, готовность до последней капли крови бороться с врагами Родины».

О наступлении 1 сентября 1941-го нового учебного года в Москве тогда «забыли»: большинство детей были эвакуированы из столицы, к тому же москвичи опасались, что как сами школы, так и их ученики с учителями могут пострадать от бомбежек. Открывались «консультативные пункты», куда школьники приходили три раза в неделю — слушали педагогов, получали домашние задания.

Федору Кондратьеву в сорок первом было восемь лет. Во дворе его дома в Уланском переулке, неподалеку от Сретенки, из большой ватаги ребят осталось лишь трое, остальные уехали. В школе № 281, где Федя окончил первый класс, разместился госпиталь. Учиться можно было только в бомбоубежище, что в Даевом переулке, а это совсем не близко. Однако и в такой «аудитории» уроки велись только несколько недель. Ребят продолжали отправлять в эвакуацию, и когда их осталось совсем мало, обучение прекратили. Уже был слышен грохот канонады, гитлеровцы подходили к Москве.

В блокадном Ленинграде учебный год в 1941-м открылся в конце октября — для 60 тысяч учеников 1–6-х классов. 3 ноября началось обучение старшеклассников. Услышав вой тревожной сирены, школьники и преподаватели спускались в бомбоубежище, где занятия продолжались. Каждый учитель имел два плана урока: один — для работы в «нормальных условиях», другой — на случай артобстрела или бомбежки.

«К урокам готовлюсь по-новому, — записала в своем дневнике осенью 1941-го учительница истории 239-й ленинградской школы Ксения Ползикова-Рубец. — Ничего лишнего, скупой ясный рассказ. Детям трудно готовить уроки дома; значит, нужно помочь выучить их в классе. Не ведем никаких записей в тетрадях: это тяжело. Но рассказывать надо интересно. Ох, как это надо! У детей столько тяжелого

на душе, столько тревог, что слушать тусклую речь они не будут. И показать им, как тебе трудно, тоже нельзя»...

День знаний был учрежден в 1984 году указом Президиума Верховного Совета СССР. Одним из инициаторов праздника считается директор краснодарской школы № 12, заслуженный учитель РСФСР Федор Брюховецкий. Он же в свое время придумал церемониал под названием «Последний звонок» — трогательно-грустное торжество для выпускников и их наставников. Юноши и девушки прощаются со школой под звон колокольчика и передают эстафету первоклассникам.

С 2017 года занятия во всех классах начинаются 1 сентября с откры-

того урока «Россия, устремленная в будущее».

P.S.: В 2004 году День знаний в нашей стране вылился в общенациональную трагедию. Во время торжественной линейки в бесланскую школу № 1 ворвались террористы, захватившие порядка тысячи заложников. Через два дня более трехсот человек — дети, учителя, родители, гражданские спасатели, работники МВД и МЧС — погибли.

Чудовищное происшествие заставило содрогнуться не только Россию, но и весь мир. 1 сентября этого года мы будем вспоминать жертв кровавых событий, со дня которых минуло полтора десятка лет.

Блокадный Ленинград. Урок на крыльце разрушенной немецкими обстрелами школы. 1943

ФОТО: БОРИС КУДЯКОВ/РИА НОВОСТИ

Культурная эволюция

Конторский дом Сытина на Тверской

Иван Сытин:

«Единственное благо человека — быть грамотным»

Ольга Жукова, кандидат исторических наук

Со своими тремя классами образования он был известным на всю страну просветителем, водил дружбу с Львом Толстым и Антоном Чеховым, Иваном Бунинным и Ильей Репиным, а также многими другими блестяще образованными людьми. Беседовал о делах государственной важности с Сергеем Витте и Петром Столыпиным, хотя в полицейских кругах слыл фигурой «неблагонадежной, замаранной либерализмом». Не раз хаживал на приемы в Зимний дворец и к Александру III, и к Николаю II, а в 1918 году в Смольном подписал свою книгу Ленину, назвав того «глубокоуважаемым».

В ПРЕДДВЕРИИ Дня знаний «Свой» рассказывает о выдающейся, парадоксальной фигуре отечественной истории — Иване Сытине. До революции это имя знал каждый грамотный россиянин. По выпущенным стараниями Ивана Дмитриевича книгам обучались миллионы русских школьников.

А. МОРАВОВ. «ПОРТРЕТ И.Д. СЫТИНА». 1908

Его университеты

«Жил был Иванушка Дурачек у родителей средней деревенской семьи. Грамота ему не давалась, да и учение в его годы было очинь не увлекательное. В начальной школе, главные учебники Славянской азбуки, псалтырь, чеслов зубрили наизусть. Выучивши еле разбирать по складам и кое как безграмотно писать окончил свою грамоту Иван. Ну теперь брат иди с богом послужи добрым людям научист своим трудом добивать себе хлеб. Благословили родители хлопса и отправили в Москву с провозжатым збыть срук куда нибудь в учение мальчиком. А бабуся дала, накрест талисман на счастье. Береги Ванюшка его тебе даст счастье сказала она. И вот Ванюшка в Москве в лавке купца торговца книшками». Это строчки

«Автобиографической притчи», написанной Сытиным на закате дней. Да-да, до конца жизни знаменитый поборник просвещения писал с чудовищными грамматическими ошибками.

Кому адресовал свое сочинение — под заголовком «Какие бывают случаи. Сказка» — Иван Дмитриевич и почему бросил повествование на полуслове, уже не узнать. Но мы с благодарностью и почтением вспоминаем человека, которому в свое время было настолько неинтересно в учебе, что впоследствии он делал все от него зависящее, дабы последующие поколения мальчишек и девчонок занимались с интересом и пользой...

5 февраля (24 января) 1851 года в селе Гнездиково Солигаличского уезда Костромской губернии в семье волостного писаря Дмитрия Сытина родился первенец, на-

званный Иваном. Отец прослыл в округе человеком образцового поведения и для сына всегда оставался примером. Только вот учиться Иванушке довелось лишь до 12 лет. Грамоту, а главное — счет, освоил, и родитель, желая для него лучшей доли, решил определить подростка «по меховой торговле», благо у Ваниного дядьки на знаменитой Нижегородской ярмарке была своя лавка. А тот вскоре отправил племянника в Москву.

В 1866 году пятнадцатилетний паренек приехал в Первопрестольную с рекомендательным письмом к знакомцу и компаньону дяди, купцу Петру Шарапову, который держал у Ильинских ворот уже не одну, а две лавки — меховую и книжную. И так бы, возможно, на всю жизнь остался Иван Сытин торговцем мехами, если бы не воля случая: вакансия у Шарапова была только в той, где продавали книги.

«Хотя Ванюшка с отвращением смотрел на книжки... Но другава места не было надо и за то благодарить что взяли мальчиком. Четыре года торговой школы около книг имели хорошее влияние, дурак возмечтал что книги страшно нужны решительно всем и что единственная благо человека быть грамотным и не только

знать наизусть Чесослов и Псалтырь а учится по хорошим покупным книгам чтобы понять смысл жизни», — откровенничал много позже Иван Дмитриевич.

Самая бойкая торговля в лавке шла песенниками, сонниками и лубками. Первое время мальчику на побегушках приходилось выполнять всю черную работу, в том числе ставить самовар, чистить сапоги хозяину и приказчикам. Потом Иван стал камердинером и служил в покоях Шарапова. Работал без жалованья, лишь за еду, кров и приобретение навыков, причем не только в торговом деле.

Бездетному купцу-староверу пришлось по нраву расторопный, исполнительный, почтительный, а главное, тянущийся к просвещению паренек, и Петр Николаевич на долгие годы стал для Ивана наставником и советчиком. Блюдя древнее благочестие, по праздникам Шарапов ходил к заутрене в сопровождении свиты из доверенных работников, Ваня — в их числе. Богобоязненный хозяин знал за собой грешок (не на все его лубки Ванюшке по малолетству дозволено было смотреть), а помощнику своему наказывал: «Вот вырастешь, Иван, и так, как я, не делай. Торгуй с разбором. Ведь не любая денга от Бога, не любая на пользу идет».

По достижении совершеннолетия Сытин стал получать жалованье в 5 рублей и начал наконец работать в полную силу. И хитринку купческую не забывал проявлять. Бывало, припрятет один из дорогих томов собрания сочинений под прилавок, а потом винится: не усмотрел, мол, украли книгу, готов оплатить пропажу по начальной стоимости, скажем, в 1 руб. 20 коп. Чуть переждав, и остальные некомплектные тома по сниженной цене выкупал — рублей за 5. А как оказывался на руках полный комплект, относил книги на Никольский рынок и продавал местным книготорговцам за 15 целковых —

И. Сытин с семьей

заработок за три месяца! Барыш не прогуливал, копеечку к копейке собирал, мечтал о собственном деле.

В лавке его уважительно называли по имени-отчеству, а благодетель поручал ему сопровождать обозы с лубочными изданиями по России и Украине, посылал в Нижний Новгород помощником заведующего книжной лавкой, с надеждой, что в торговой столице России его 20-летний любимец сможет развернуться.

Но Нижний — все ж не Москва, особо ходким товаром книги там не являлись. Малограмотным крестьянам и ремесленникам ближе и понятнее были лубочные картинки с религиозными сюжетами да с традиционными Бовами-королевичами, Ерусланами Лазаревичами, Прекрасными Королевишнами.

Сетевой принцип

Иван понял: узкое место — доставка товара к покупателю. В ту пору вверх по Волге суда еще таскали бурлаки. В каждой артели имелся старшина, водолив. Он и на барже командовал, и за сохранностью груза следил, и являлся судебным плотником, мог исправить любую

неполадку. А главное, выполнял обязанности расходчика (казначей) артели, счет деньгам знал и расплачивался со всеми по совести.

Несмотря на изнурительный труд в условиях многозадачности, богачами водоливы не слыли, да и работа была сезонной — покроемся льдом Волга-матушка, и на что тогда прикажете жить? Вот и предложил им Иван Сытин хороший приработок. Доброхотов нашлось много, а молодой купчик товар давал в долг, под честное слово, хотя и понемногу. Проверенным продавцам — особые условия, оптовые скидки. Потом такие везунчики уже своими «сетями» обзаводились.

На следующий год желающих стать офенями и торговать «святыми картинками» оказалось еще больше. Одна беда с неграмотными продавцами — о достоинствах книг они судили по яркости обложек. И тем не менее первая в России сеть «многоуровневого маркетинга» принесла хорошую прибыль. А новгородская лавка Шарапова превратилась в крупный оптовый склад печатной продукции. Петр Николаевич почин сметливого помощника оценил, призвал обратно

Цех типографии «Товарищества И.Д. Сытина и Ко», 1907

в Москву, где тот аналогично внедрил свой прогрессивный метод. Хозяин часто повторял: «Работай, хлопочи, все твое будет». Цена благосклонность Шарাপова, Иван решил испросить у него благословения на женитьбу, и старик сосватал ему дочку купца-кондитера Евдокию Соколову, с приданым в 4 000 рублей. Было тогда Ивану 25 лет.

Деньги невесты, богатый свадебный подарок-взнос благодетеля и полученную в банке при поручительстве последнего ссуду Сытин вложил в покупку литографской машины — самой лучшей, французской. Шел 1876 год. Основным заказчиком в новой литографии был, конечно же, купец Шарапов. Его торговля стараниями сметливого управляющего процветала, тот чуть свет бежал в лавку и добросовестно трудился там до вечера, а после 6 часов, когда хозяин отправлялся в церковь к вечерне, мчался самолично разрезать свежотпечатанные оттиски лубков.

Крошечная литография близ Дорогомиловского моста выпускала поначалу лишь картинки. Но в маленькой лавке «в пять аршин в ширину и десять в длину» были и книги, а всего товара — на 5 000 рублей. Иван Сытин быстро смекнул: конкуренция на рынке требует того, чтобы издания были лучшего качества и разнообразнее по сюжетам. Принялся сам выискивать таланты. Так, простой рисовальщик Михаил Соловьев ста-

нет впоследствии директором-распорядителем всего сытинского дела.

От популярной баталистики до pulp fiction

В 1877 году началась война с Турцией. Газеты, рассказывавшие о событиях с театра военных действий, скупались мгновенно. Военные новости шумно обсуждались и в дворянских собраниях, и в городских лавках, и на деревенских завалинках. Тысячи русских добровольцев рвались в бой. Казалось, вся Россия была едина во мнении: наше дело правое, мы ведем святую войну за освобождение братских славянских народов от турецкого ига. Но как же далеки Балканы...

Сытин начал выпуск иллюстрированных карт с надписью: «Для читателей газет. Пособие и батальные картины». Такая наглядность понравилась читателям, товар скупался молниеносно. Быстро росли и доходы издателя. К концу войны (1878) литография полностью перешла в руки Сытина, а в следующем году он приобрел дом на Пятницкой улице, оборудовал новое производство.

В 1882 году сытинские военные лубки заметили на Всероссийской промышленной выставке, наградили бронзовой медалью. Могли бы и золотую дать, если бы издатель картинок происходил из благородного сословия, а не из крестьянского. Зато здесь же он познакомился с академиком живописи Михаилом Боткиным, а тот, оценив высокий уровень печати, предложил издавать репродукции картин известных художников. Сытина вновь не подвело коммерческое чутье, он согласился.

В январе 1883 года открыл на Старой площади книжную лавку, а в феврале создал «Товарищество Сытин и Ко». Картинки пользовались спросом: купцы и офени спорили не за цены, а за количество отпускаемого товара — просили больше, чем издатель мог предложить. Изредка заживал сюда и сам Лев Толстой, вел с покупателями разговоры «за жизнь», приглядывался то ли к товару, то ли к хозяину.

Книги Иван Дмитриевич выпускал в угоду невзыскательной публике. Обивавшие пороги издательства авторы бульварных романчиков, детективных историй и мистики не гнушались плагиата, с легкостью переписывали, по-своему переписывали известные произведения, зато и просили за свои старания сущие копейки. И вот появились на рынке «Князь Золотой», списанный с «Князя Серебряного» Алексея Толстого, «Страшные игры» с сюжетом пушкинской «Пиковой дамы», «Месть колдуньи», повторявшая гоголевского «Вия». Как вспоминал те годы Сытин, «и етому яду покровительствовала цензура никогда никакова замечания не делала хотя относилась презрливо».

Был и у него серьезный прокол. Начинаящий и дерзкий автор из студентов Влас Дорошевич уговорил

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БОЙЦОВ/РИА НОВОСТИ

выпустить леденящее кровь повествование. Как оказалось, автора вдохновила на сей «труд» «Майская ночь, или Утопленница». Сытин пообещал стереть его в порошок, если он еще к нему заявится.

Выгодный «Посредник»

В 1884 году издатель познакомился с Владимиром Чертковым, поверенным в делах Льва Толстого. Владимир Григорьевич убедил Сытина выпустить серию книг для народа, включив туда лучшие произведения русских писателей — Лескова, Тургенева и самого Толстого. Проникнувшись идеей Льва Николаевича о создании поистине народной книги, богатой внутренним содержанием, но дешевой по цене, Сытин согласился стать ее издателем. Но просил инициаторов договориться с авторами, чтобы те не требовали гонораров за участие в благом деле. Так возникло издательство «Посредник». Познавательные и недорогие издания нашли своего читателя. «И ваш мужичек почуял носом свежие книжки и охотно потянулся за ними», — вспоминал Сытин. За первые четыре года «Посредник» выпустил 12 млн экземпляров. Герцен, Чернышевский, Тургенев, Куприн, Толстой и другие гонораров не получали, а многие готовы были заплатить сами, лишь бы напечататься в престижном издательстве. Обложки книг оформлял Илья Репин, Алексей Кившенко, Константин Савицкий.

В 1885 году Сытин купил типографию Орлова с пятью машинами, шрифтом и инвентарем. Расширилась торговля в Москве, его книги можно было купить и в Гостином дворе Петербурга. За два года доход возрос с 270 тысяч вдвое. Вслед за лубочными картинками и недорогими книгами русских писателей в дома простых россиян пришел первый сытинский «Всеобщий календарь». Потом появился еще и «Малый всеобщий», а также сельскохозяйственный, старообрядческий, киевский, общепольный,

домовой, военный, медицинский, «Царь-колокол». Выпускались и отрывные ежедневники. Богато и ярко иллюстрированные, внешне напоминая всеми любимый и каждому понятный лубок, эти издания несли информацию в разных областях знаний. Сытин помещал в календарях обращения к читателям, спрашивал у них совета. Покупатели голосовали рублем, тиражи календарей были миллионные.

В 1889 году возникло книгоиздательское товарищество его имени. Сытин печатал не только произведения русской классики, но и близкого народу крестьянского поэта Алексея Кольцова, былины. Хорошо продавались книги по медицине, вопросам воспитания детей. Да и сами маленькие читатели не были обойдены вниманием — для них выходили красочные книжки русских сказок, собранных Александром Афанасьевым, а также произведения иностранных писателей.

На ниве просвещения

Уважаемого издателя частенько приглашали на заседания Московского комитета грамотности, в котором решались вопросы народного просвещения. Вскоре Иван Дмитриевич приступил к выпуску научно-популярных брошюр и картин этого комитета, серии народных книжек под девизом «Не в силе Бог, но в Правде», школьных учебников. Став в 1890 году членом Русского библиографического общества при Московском университете, он финансировал журнал «Книговедение» и печатал его в своей типографии, хотя проект был вовсе не коммерческим.

В 1892 году товарищество Сытина приобрело у братьев Вернеров право на выпуск журнала «Вокруг света». Тираж сначала был менее 5 000 экземпляров, но через год утроился. Чтобы улучшить издание и привлечь заинтересованного читателя, для работы в редакции пригласили уже известных писателей

Дмитрия Мамина-Сибиряка, Константина Станюковича, художника Николая Каразина и других. В качестве завлекательных приложений к журналу публиковались произведения мастеров приключенческого жанра: Александра Дюма, Жюль Верна, Виктора Гюго, Майна Рида, Фенимора Купера.

Рост доходов позволял расширить дело. В 1893 году вместо Товарищества на вере возникло «Высочайше утвержденное товарищество печатания, издательства и книжной торговли И.Д. Сытина». Его капитал — 350 000 руб., в каталоге продукции — 896 наименований. Иван Дмитриевич начал строить новое здание типографии на Вальной улице. Здесь же работали мастерские типолитографии. А книжная торговля по-прежнему ширилась — новые точки открылись в Москве, в здании модного ресторана «Славянский базар», и в Киеве, в Гостином дворе на Подоле.

Бизнес Сытина развивался стремительно. К 1896 году в каталоге его издательства уже насчитывалось 1225 названий. Начался выпуск «Библиотеки для самообразования». Для издания серьезной научно-популярной литературы Иван Дмитриевич привлек известного библиографа и писателя Николая Рубакина. С его подачи печатались «Основы психологии», «Основы социологии» Герберта Спенсера, «История французской революции» Людвига Гейссера, «Фабрика, что она дает населению и что она у него берет» Евстафия Дементьева. Тогда же впервые вышел букварь Василия Вахтерова и задачник Александра Гатлиха, выпускались многотомные энциклопедии — Народная, Детская, Военная...

Комитет грамотности создавал бесплатные библиотеки, Товарищество снабжало их своими изданиями. Сытинский каталог книг и учебников для школьных библиотек на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде получил диплом первой степени!

Еще в 1895 году Иван Дмитриевич открыл торговлю в самой западной точке империи — Варшаве. В 1899-м все книжные новинки издательства можно было купить и на юге, в Одессе, и на востоке, в Екатеринбурге.

В 1903-м основной капитал Товарищества достиг миллиона рублей. По проекту модного архитектора Адольфа Эрихсона Сытин построил новое здание типографии. Открыл торговые отделы в Иркутске и Ростове-на-Дону. Создал школу технического рисования и технического дела при своей типографии, чтобы готовить кадры. Приоритет при поступлении — детям своих рабочих и служащих. Принимались и крестьянские дети с начальным образованием. Для желающих — вечерние классы. Все пять лет учебы учащиеся состояли на полном обеспечении Товарищества.

В декабре 1905-го делу Сытина был нанесен серьезный урон: ночью разгромили и подожгли типографию, или, как называл ее сам владелец, фабрику на Пятницкой улице. В пожаре сгорели все клише, готовые тиражи изданий, запасы бумаги, оборудование. Иван Дмитриевич принимал соболезнования, но держался стойко. Все силы Товарищества были брошены на восстановление утраченного, преподаватели и учащиеся художественной школы воссоздавали клише.

В 1911-м Иван Сытин открыл магазины в Саратове и в столице Болгарии, Софии. К 1914 году каждая четвертая книга, выпущенная в России, была издана им.

Окончание в следующем номере

Философ о философе

Трудно стать богом

Ксения Ермишина, кандидат философских наук

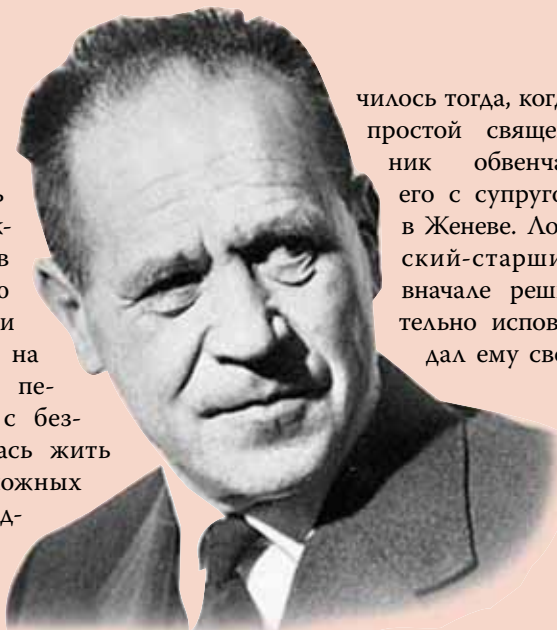
Блестящий философ и выдающийся богослов — так вкратце можно охарактеризовать отца и сына Лосских, Николая Онуфриевича и Владимира Николаевича. Траектории их судеб, пересекшись, соединились в один трудный, во многом трагичный путь, что выпал на долю пережившей революцию, обретшей на Западе новую родину русской интеллигенции.

Ранее журнал «Свой» рассказывал о Лосском-старшем. На сей раз представим младшего, не менее талантливого, чем его отец.

ПОЧТИ сразу же после исхода в эмиграции обозначились противостоявшие друг другу лагеря и партии: евразийцы и либералы, монархисты и сменовеховцы... Церковных иерархов-изгнанников и их прихожан раздирали расколы. Кто-то выступал за митрополита Евлогия (Георгиевского), другие поддерживали митрополита Антония (Храповицкого). Но их объединяло чувство глубокого отвращения к тем, кто разрушил цветущую русскую цивилизацию, положил конец и древним, святоотеческим традициям,

и блистательному Серебряному веку. Эта ненависть довольно быстро перекинулась на оставшуюся в заложницах у большевиков Русскую православную церковь. Ее обвиняли в том, что она пошла на компромисс, начала переговорный процесс с безбожниками, согласилась жить под диктатом всевозможных уполномоченных и надсмотрщиков. Всего несколько людей, которых объединили Владимир Лосский и старец Софроний (Сахаров), отстаивали верность РПЦ, что, по сути, было вызовом и красным, и белым. За этим стояло глубокое, до мельчайших деталей осмысленное религиозное мировоззрение. Каковы его истоки?

Будущий богослов родился в Геттингене: родители после свадьбы некоторое время жили за границей, как это было принято в те годы в среде нашей интеллигенции. Отец, Николай Онуфриевич, к тому времени пребывал вне Церкви почти три десятка лет. Постепенно его взгляды менялись, однако настоящее обращение в православие слу-

В. Лосский

неверие, но о. Николай Апраксин проявил столько доброты и такта, что поразил философа. Сердце атеиста оттаяло, и он вернулся к вере отцов. Впоследствии именно этого батюшку пара пригласила крестить своего первенца.

Научную деятельность Владимир Лосский начинал как историк. В 1919 году он поступил в Петроградский университет, где процветала школа медиевиста Ивана Гревса. Большое влияние на одаренного студента оказали тогда и сам Гревс, и преподававший там же Лев Карсавин. Учеба была недолгой, в 1922-м

числось тогда, когда простой священник обвенчал его с супругой в Женеве. Лосский-старший вначале решительно исповедовал ему свое

семью Лосских выслали из страны на знаменитом «Философском пароходе». Так они вновь (теперь уже навсегда) оказались в Европе, а Владимир перебрался в Париж, который к 1925 году стал центром интеллектуальных и духовных сил русского зарубежья.

В столице Франции он знакомится с Николаем Бердяевым, Сергеем Булгаковым, Василием Зеньковским, Георгием Флоровским и другими видными мыслителями. Чтобы завершить образование, он поступает в Сорбонну и в 1927-м получает степень доктора медиевистики. Вскоре вступает в Братство св. Фотия, где возникли и получили распространение несколько непривычные для нашей эмиграции идеи: русское рассеяние совершилось не по злой воле большевиков — те лишь выступили орудием Промысла; Запад нуждается в православии, которое могут и должны проповедовать русские изгнанники.

Владимир Николаевич становится председателем Братства и выдвигает тезис: «Все, что произошло до 1054 года, принадлежит нам». То есть все реликвии, школы мысли, всех святых, которые были известны в Европе до раскола, православным людям следует принять как свое наследие. Именно так может быть преодолен медленный, но неуклонный, крайне болезненный распад христианства, а наше вероучение раз и навсегда избавится от черт провинциализма.

Члены Братства мечтали возродить православие в лоне католицизма. Это вовсе не значит, что они выступали за бездумный экуменизм, напротив, продолжали твердо исповедовать восточно-христианские догматы и принципы духовной жизни. Свою основную задачу они понимали так: распространять православие должно, опираясь не на вновь созданную за границей церковь — оторванную от корней, она сама нуждалась в попечении и заботе, — а на тысячелетнюю, традиционную, ту, что страдала, ис-

В. Лосский (второй справа во втором ряду) с семьей

текала кровью в России, подобно первым христианским мученикам. Именно поэтому в 1931 году члены Братства решили пребывать в лоне РПЦ, хотя в тот момент не имели никакой возможности контактировать с Московской патриархией.

Владимир Лосский определил главную миссию Братства как апостольство. Но чтобы проповедовать, требовалось хорошо знать догматы, историю, тонкости богословия, а для этого следовало воспользоваться опытом и поддержкой западных людей, у которых теологические и схоластические дисциплины развивались на протяжении многих веков. Когда в европейских городах гремели университетские диспуты о канонах, догматах, нюансах иерархических проблем, номинализме, реализме и прочем подобном, на Руси писали иконы и строили храмы. Возродить культуру догматического мышления, а точнее, создать ее заново — вот задача, которая стояла перед Лосским. До революции 1917-го богословская мысль в России только начала формироваться. Было две традиции — академическая и схоластическая, причем вторая — в самом худшем значении слова. Учебники для семинарий и курсы для духовных академий списывали, как правило, с западных образцов.

Почти все они были нестерпимо скучны. Иная традиция шла от Владимира Соловьева и Алексея Хомякова, это был свободный религиозно-философский дискурс, часто оппозиционный по отношению к официальной Церкви. Между берегами духовной схоластики и светского богословствования не было крепкого, надежного моста — живой церковной мысли. Лосский взялся за решение грандиозной задачи, задумал создать богословие, которое бы опиралось на опыт святых отцов.

В 1934-м он сразился в теологическом поединке с о. Сергием Булгаковым, который являлся как бы знаменем русского религиозного возрождения. О. Сергий был известен своим пристрастием к теме Софии, Премудрости Божией, унаследовал это увлечение от Соловьева. Роковая для нашей философии тема вобрала в себя все самое таинственное и мистическое — от проникновения в глубины постижения Бога до утверждений о том, что Мать Сыра Земля есть воплощение русского духа.

Византия и Древняя Русь понимали Софию как Христа до Его рождения во плоти, поэтому названные в ее честь храмы считались господскими, посвященными Спасителю. Но довольно скоро эта особенность была забыта, и София стала ассоциироваться с Церковью как Невестой Агнца-Христа или даже с Божией Матерью. Философы — по определению любители мудрости (софии) — и вовсе пытались представить эту сущность как ипостась, как четвертое начало, наравне с Отцом, Сыном и Святым Духом. Тем не менее прямо обожеествовать Софию никто не решился, а ближе всех к этому подошел о. Сергий Булгаков. Рассуждая на сотнях страниц об ипостасности, пытаясь всю литургическую и догматическую жизнь Церкви рассматривать через призму софиологии, он оказался у черты, за которой начиналась ересь. Именно так воспринял ситуацию Лосский, принявшийся с ревностью обличать коллегу. Даже написал большую записку патриарху Московскому и всея Руси Сергию (Страгородскому), а тот заочно (не имел возможности приехать в Париж) осудил булгаковское учение. Среди эмигрантов это вызвало скандал: «красная» церковь выступила против великого философа, признанного мэтра. Позицию

Владимира Николаевича поддержал известный своей ревностью к догматам и чистоте веры о. Георгий Флоровский.

Владимир Лосский с огромным уважением относился к предстоятелю РПЦ, посвятил ему работу «Личность и мысль Святейшего Патриарха Сергия», полагал, что руководить церковью в СССР в те годы мог только человек выдающихся качеств, непоколебимого мужества, стойкой веры.

Лосский изучал богословие по первоисточникам: Дионисий Ареопагит, Фома Аквинский, Григорий Палама, Максим Исповедник, Августин... Вскоре он становится одним из наиболее авторитетных знатоков христианской теологии. В 1944-м выходит самая известная его работа «Очерк мистического богословия Восточной церкви», которая ныне считается канонической, непревзойденной по глубине мысли, анализа, убедительности фактов. Этот труд мыслитель создавал в годы войны, видя разрушение городов, голод, ужас,

расчеловечение народов. «Очерк...» отражает дух времени, борьбу добра со злом, обстоятельства, при которых человек отстаивал само право называть себя человеком.

Центральной концепцией православия русский философ-богослов считал идею обожения — возможности приобщиться к Богу, не теряя при этом своих личностных качеств. Для дохристианской и исламской мистики тот, кто сливается с Абсолютом, перестает быть личностью. В христианстве же она не теряется, но преображается, поскольку в Боге различны сущность и энергии. Обожение — результат получения энергии (благодати), которая не вторична, не тварна и в то же время неотделима от Высшей Сущности. Преображенный человек становится «богом по благодати», святым. Тут Лосский в известной мере интерпретирует и популяризирует учение исихастов-молчаликов, подобно Григорию Паламе поворачивает мысль из русла чисто морального аспекта (что такое хорошо и что такое плохо, за что осуждают грешника и прославляют праведника) к догматическому, более зрелому христианству. При этом Владимир Николаевич энергично полемизирует с католическим догматом *filioque* (Святой Дух исходит как от Отца, так и от Сына), утверждает принцип православного вероучения: Святой Дух исходит лишь от Отца — только в этом случае для человека возможно обожение, а для Бога — бытие в качестве Личности. Путь к обретению Божественной энергии лежит через аскезу, которая есть «борьба за любовь». Но если любви аскетика лишена, то она ложна по своей сути, поскольку не ориентирована на личность. Кроме того, в ключевой работе Лосского обсуждаются искупление, соборность, церковное предание и другие ключевые для богословия темы.

Он писал об искусстве («Богословские основы церковного пения», «Смысл икон»), о святых отцах («Каппадокийцы», «Оптинские старцы», «Сиро-палестинцы и святитель Кирилл Александрийский»), трудился над мемуарами («Семь дней на дорогах Франции»), хотя большая часть его работ касается мистико-аскетической жизни и теологических вопросов.

В 1945–1953 годах Владимир Лосский возглавлял Французский Православный институт им. св. Дионисия Ареопагита. Здесь он читал курсы по истории и богословию, отсюда разошлись по Старому Свету его ученики и последователи. В 1956-м в составе церковной делегации Владимир Николаевич посетил, наконец, Россию. Его поразила вера простых прихожан. Позже он писал о духовной одаренности русского человека, которая так резко контрастирует с размерностью западного обывателя.

Последние годы жизни он разрабатывал православную антропологию. Человек, созданный по образу и подобию Божию, апофатичен и катафатичен одновременно, то есть познается, с одной стороны, через отрицание всякого знания о нем, а с другой — через утверждение о том, кто он есть на самом деле. В целом получается, что до конца человек не познаваем. Его главная тайна кроется в личности, связана с таким модусом бытия, благодаря которому возможен выход за границы сущего — способность к трансгрессии, приобщение к Бесконечности.

Жизнь замечательного мыслителя безвременно прервалась 7 февраля 1958 года в Париже, на день памяти св. Григория Богослова. Владимир Лосский был последовательным приверженцем традиций и удивительно современным теоретиком, не чуждым даже некоторого модернизма. Искал живого Бога, а не прописных истин: «Путь христианской мысли — это не только Истина, но также Жизнь, а кто говорит «Жизнь», тот говорит «борьба»: христианская истина — не нейтральная зона, она завоевание».

Пламенный дух богослова привлек множество последователей. Самыми известными учениками Лосского стали теологи Жан-Рене Буше и принявший православие Оливье Клеман.

Благодаря им вдохновенная мысль учителя распространялась по Европе, повлияла на многих философов, писателей, поэтов. Один из сыновей Владимира Николаевича стал священником в Праге. Сегодня русские семинарии и академии обучают студентов по работам Владимира Лосского. Его огненная мысль живет и приносит плоды как на Востоке, так и на Западе.

Родное слово

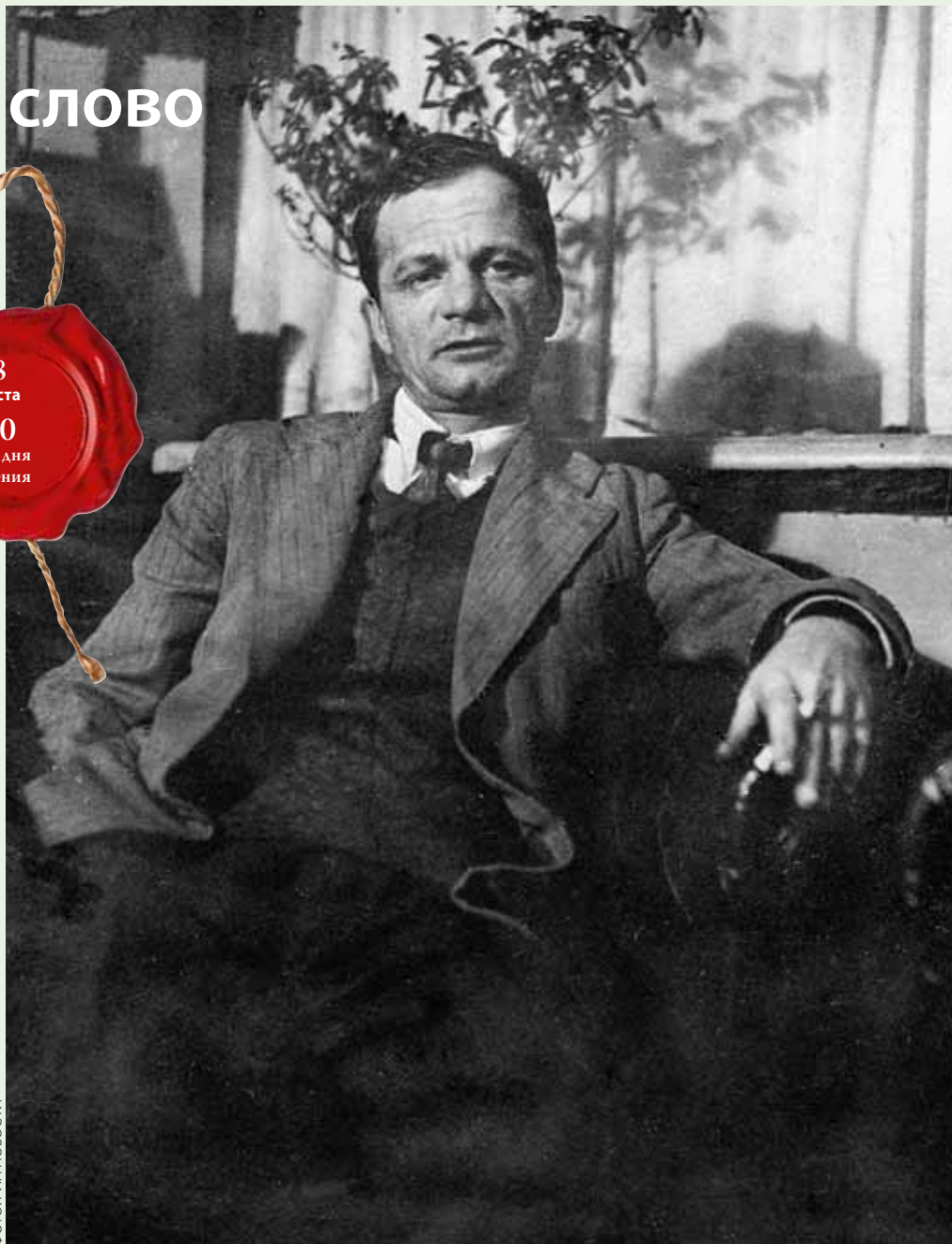

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Сокровенный человек

Евгений Александров

В русской литературе XX столетия, пожалуй, нет ни у кого такой же бесспорной репутации, как у Андрея Платонова. Его талант признавали и идейные противники, и совершенно безыдейные недруги. С годами слава самобытного, ни на кого не похожего писателя только росла, достигнув своего пика на исходе бурного, перенасыщенного событиями века.

Имени отца

Биография у него, на первый взгляд, обыкновенная, советская. В тринадцать лет поступил на паровозостроительный завод, где работал и его отец Платон Фирсович Климентов.

Юность прошла на железной дороге. Там он трудился в годы Первой мировой, а в 1919-м поступил в Красную армию. Был фронтовым корреспондентом, стрелком, паровозным машинистом. Водил эшелоны с боеприпасами, поезда с солдатами и офицерами. Уже тогда Андрей Климентов писал стихи и философствовал, удивляя товарищей смелыми «загибами» мысли. Самыми счастливыми людьми считал инженеров и литераторов, и очень скоро овладел навыками обеих профессий. Публиковаться начал под псевдонимом, который вывел из имени отца. А тот был личностью примечательной — вполне в духе платоновской прозы: еще в ленинские времена успел дважды удостоиться звания Героя Труда. По рассказам отца Андрей Платонович задумал повесть «Сокровенный человек» — здесь многое связано с трудом железнодорожников.

Платонов не признавал литературы без новшества. И открывал природную полноту простого человека. «Фома Пухов не одарен чувствительностью: он на гробе жены вареную колбасу резал, проголодавшись вследствие отсутствия хозяйки». Что это — сатира, гротеск? На взгляд непосвященного, звучит, во-первых, угловато, а во-вторых, то ли слишком безыскусно, то ли чересчур по-канцелярски.

Автор-оригинал выступал и как рационалист, и как романтик, но именно этот сплав высокого и «вульгарного» позволял показать революционную эпоху максимально достоверно и глубоко.

Его учеба в воронежском политехническом институте также была поиском истины. «Он всегда занимался тайнами машин, надеясь посредством механизмов преобразовать весь мир для блага и наслаждения человечества», — это из рассказа «Фро», очень характерное для Платонова, по существу, автобиографическое признание.

«Истина — реальная вещь»

В 1921 году в стране лютовал голод. Андрей Платонович решил, что в такое время он нужнее как инженер-мелиоратор, а журналистика и литература подождут. Несколько лет посвятил чертежам и проектам. Он и на инженерно-технической стезе действовал неординарно. Мелиорацию, электрификацию и прочие достижения человеческого разума считал прежде всего инструментом для преобразования личности. Жизнь познал всякую — и военную, и относительно мирную, видел ее в разных, порой весьма необычных ракурсах, накопил для литературы много личных наблюдений-переживаний.

Платонов был убежден, что ключ ко всеобщему счастью найден, нужно только соответствовать коммунистическому идеалу. «Истина — реальная вещь. Она есть совершенная организация материи по отношению к человеку. Поэтому и социалистическую революцию можно рассматривать как творчество истины», — вот так, не больше и не меньше.

Мало кто из наших писателей так же искренне верил в коммунизм. Даже некоторые члены ЦК втайне от всех относились к идейным построениям Маркса — Энгельса не без скепсиса, но Платонов рассуждал горячо и непритворно: «Пламя революции начинает перекидываться из сфер политической борьбы в область художественного творчества, искусства... Мы переживаем великую эпоху возрождения духа человеческого во всех его проявлениях... Возрождая всю жизнь, трудовой класс возрождает и искусство... Пролетарское искусство отражает в себе все человечество в его лучших устремлениях... Это будет музыка всего космоса, стихия, не знающая преград, факел, прожигающий недра тайн».

Подлинное революционное творчество 1920-х — это и живопись Павла Филонова, и архитектурные фантазии конструктивистов, и «киноглаз» Дзиги Вертова, и, конечно же, платоновская проза. Их роднит поиск нового языка, сближает между собой вера в то, что технический прогресс вот-вот осчастливит людей, преобразит наш грешный и жестокий мир.

Присмотревшись, например, к аскетично серым стенам московского дома Наркомфина на Новинском бульваре, обнаружим дешевый, недолговечный бетон, на удивление простые пропорции, однако есть в этих сводах некая волнующая тайна и даже эдакий приглушенный душевный ропот. Таков и стиль Платонова — писателя, служившего революции. Вышедшие в конце 1920-х повести «Епифанские шлюзы» и «Сокровенный человек» открыли мастера изысканной прозы, которая притягивала к себе искренним простодушием и философской глубиной. Сотканная из грубых земных и нежно-тонких небесных нитей литература дает нам редкую возможность взглянуть на мир доверчиво, по-детски. Андрей Платонов — реалист да еще и технарь, с юности познавший умную сущность станков и механизмов. К тому же мечтатель, излагающий свои грезы языком народного сказа, почти юродивый, воспринимающий коммунизм как высочайшее откровение.

«А Платонов здесь есть?»

Его литературная судьба складывалась, мягко говоря, непросто. Профессиональные идеологи боялись искренности. Такие важные для Андрея Платоновича произведения, как «Котлован» и «Чевенгур», были изданы в нашей стране только в 1980-е. Хотя и тогда были представлены в ложном свете: будто автор разоблачал пафос «великих строек». Однако автор относился к своим одержимым героям без малейшего скепсиса. Он не считал рытье котлована бессмысленным — как и вообще строительство новой жизни.

Влиятельные поклонники у него тоже были, в первую очередь — патриарх советской литературы Максим Горький. Высоко ценил платоновский талант молодой, но уже прославленный Михаил Шолохов. И все-таки в 1931 году над Платоновым ступились тучи.

В солидном журнале «Красная новь» вышла повесть «Впрок». Ее воспринимали как попытку художественного развития идей знаменитой статьи «Головокружение от успехов», где вождь подверг критике перегибы повальной коллективизации. Генсек, однако, не увидел в авторе единомышленника...

Принадлежавший Сталину экземпляр журнала вдоль и поперек исчеркан карандашом, всюду пестрят бранные эпитеты: «дурак», «пошляк», «балаганщик», «беззубый остряк», «болван». Наконец — «это не русский, а какой-то тарбарский язык!». Пожалуй, ни одно литературное произведение не вызывало у могущест-

Художник В. Орлов.
Иллюстрация к рассказу
«Никита»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

венного «рецензента» такой ярости, а читал он очень много, по сотне страниц ежедневно.

Что же так прогневило Сталина? Коллективизация, конечно, тема болезненная, но, думается, дело не только в ее сложных, в чем-то катастрофических перипетиях. Вождю пришлось не по душе притчевая, нарочито простецкая манера. К тому же его возмутил один странноватый и очень важный для Платонова фрагмент. Один из героев, узнав о смерти основоположника советского государства, решил покончить с собой: «Ленин умер, чего же ради такая сволочь, как я, буду жить! — и повесился на пояском ремне, прицепив его к кочному кольцу».

Несостоявшегося самоубийцу спас некий бродяга: «Дурак, как же ты не постигаешь, что ведь Ленин-то умнее всех, и если он умер, то нас без призора не покинул!»

«Отец народов» счел этот эпизод кощунственным. Менее очевидно, скорее загадочно, реакция генерального секретаря на следующий пассаж: «Засею землю — пойду Сталина глядеть: чувствую в нем свой источник. Вернусь, на всю жизнь покоен буду». Возле этой фразы сталинским почерком выведено краткое «подлец», хотя не исключено, что брань была с оттенком одобрения — генсек любил подобные обороты. Как бы там ни было, через год, во время встречи с литераторами в доме Горького, он поинтересовался: «А Платонов здесь есть?» — и огорчился, что столь

странного писателя в числе гостей «буревестника революции» не оказалось.

В редакцию «Красной нови» Сталин направил гневную директиву: «Рассказ агента наших врагов, написанный с целью развенчания колхозного движения и опубликованный головоотяпами-коммунистами с целью продемонстрировать свою непревзойденную слепоту... P.S. Надо бы наказать и автора, и головоотяпов так, чтобы наказание пошло им впрок».

На Платонова тут же обрушился Александр Фадеев, охарактеризовавший его как «кулацкого агента», который «разгуливает по страницам советских журналов в маске юродивого». В дальнейшем Александр Александрович не раз одергивал Андрея Платоновича, хотя и признавал литературный талант сочинителя «Епифанских шлюзов».

Платонову оставалось только покаяние. Он написал Сталину письмо, в котором критику повести признал справедливой, осудил себя за то, «что было в период работы незаметно... дух иронии, двусмысленности, ложной стилистики». Перед Горьким оправдывался еще более красноречиво: «Я классовым врагом стать не могу, и довести меня до этого состояния нельзя, потому что рабочий класс — это моя родина, и мое будущее связано с пролетариатом».

Ответа из Кремля не последовало, но и печатать Платонова не перестали. В 1934 году, по протекции Горького, он побывал в Туркестане, где его ждали встречи с местными писателями, рабочими, поездки на строительство каналов. Это был знак доверия, и литератор его оправдал. Из среднеазиатского путешествия он привез несколько рассказов и повесть «Джан» — аллереорию на тему восточного народа, у которого все имущество — «одно сердце в груди». Изможденные тяжелым трудом дехкане разуверились в себе, и главным героям произведения нужно было вернуть их к нормальной жизни, чтобы те «дули к счастью».

«Прошу оставить все как есть»

В середине 1930-х, когда в писательской среде начались аресты, к Андрею Платоновичу стали относиться как к обреченному: помнили о грозной выволочке с подачи самого товарища Сталина. Но «черный воронок» за Платоновым не приехал, он продолжил работать. Печатали нечасто, награждали еще реже, но и не запрещали.

То было время хорошо понимающих переменчивую конъюнктуру редакторов и корректоров. А править Андрея Платонова невероятно трудно: слишком мно-

гое в его прозе построено на нюансах и полутонах, на стилистических казусах, мнимом, хорошо отточенном косноязычии. Несмотря ни на что, он берег свою интонацию. «Прошу оставить все как есть», «прошу считать по-моему», — таких записок, адресованных редакторам, в его архиве немало.

Начало войны, трагедию лета 1941 года он воспринял так близко к сердцу, что даже строй его прозы изменился. Писать стал яснее, логичнее, почти без языковых вывертов. Его лучшие фронтовые рассказы по форме просты, но по смыслу лишены каких бы то ни было упрощений. Будучи военкором «Красной звезды», побывал и подо Ржевом, и на Курской дуге — снова почувствовал себя необходимым. В годы Великой Отечественной ему удалось издать четыре сборника: «Одухотворенные люди», «Рассказы о Родине», «Броня», «В сторону заката солнца». Он с восхищением рассказывал о героях, остановивших могучую и беспощадную германскую машину, а о немцах писал так: «Они могли биться с любым, даже самым страшным противником. Но боясь со всемогущими людьми, взрывающими самих себя, чтобы погубить своего врага, они принять не умели». Одухотворенными людьми называл защитников Севастополя и Сталинграда. На фронте он как будто снова вернулся к своей давней, почти уже утраченной вере.

Тогда же похоронил сына, а в его рассказах вновь и вновь проступала главная тема — сокровенный человек. Андрей Платонович воспевал самоотверженных и бескорыстных — подвижников.

Он много лет страдал туберкулезом. Болезнь иссушала, мучила. В конце войны его почти насильно отправили лечиться в Ялту. Но писатель оттуда сбежал, узнав об очередном масштабном наступлении Красной армии, вернулся на фронт.

В послевоенные годы опять оказался на обочине литературной жизни. «Все было у Андрея Платонова — талант выдающийся, обширная образованность, знание жизни. Одного не было дано ему: житейской ловкости. Но ведь отсутствие ее тоже украшает человека», — рассуждал по этому поводу Лев Славин.

В последние месяцы жизни, уже изрядно обессиленный, он подготовил к печати три сборника народных сказок: «Финист — ясный сокол», «Башкирские народные сказки», «Волшебное кольцо». А когда ушел — оставил людям много неразгаданных тайн. Для него это было важнее материального благополучия и прижизненного признания.

ФОТО: КИВИЛЛ-ЧАПЛИНСКИЙ/ТАСС

ФОТО: ВАСИЛИЙ СМЕРНОВ/ТАСС

Александр Петров:

«Стараюсь быть максимально честным читателем»

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «Вита Нова» вышла книга Андрея Платонова «Корова». В качестве иллюстраций использованы кадры одноименного анимационного фильма (1989), дебютной работы оscarносноного режиссера Александра Петрова. «Свой» попросил ярославского мастера, лауреата двух Государственных премий, рассказать о работе над изданием.

СВОЙ: Почему решили сделать фильм по Платонову?

Петров: Получил задание на курсах режиссеро-сценаристов — подготовить короткометражку. Хотел снять историю о корове, которую на следующий день собираются разрезать. Литературной основой стала повесть Василия Белова «Привычное дело»: ее требовалось «уложить» в одну минуту. Но ничего не получалось. Придумывал героев, сочинял эпизоды, однако выходило невнятно и неубедительно. И тут в руки попала «Корова» Платонова. В принципе, должен был знать текст, потому что мы с режиссером Владимиром Петкевичем делали фильм по детским рассказам этого автора. Однако именно «Корову» почему-то не читал. В итоге дело сдвинулось с мертвой точки. И хотя в титрах остался только Андрей Платонов, благодарен обоим писателям — люблю их и ценю.

СВОЙ: Как появилась книга?

Петров: Инициатива принадлежала издательству «Вита Нова». Готовили «Корову» вместе с редакторами Мариной и Алексеем Захаренковыми. К сожалению,

Марина недавно ушла из жизни. Для нас это неожиданная и огромная потеря. Она очень тонкий художник: ее усилиями книга получила нынешний облик.

Еще раньше в «Вита Нова» вышла повесть Шмелева «История любовная» с кадрами из моего фильма «Моя любовь». Теперь есть идея выпустить издания с работами из других лент. Почти все мои фильмы имеют литературную основу: Хемингуэй, Достоевский... Возможно, и получится.

СВОЙ: Как создавались иллюстрации к «Корове»?

Петров: Думал, сделаю легко и быстро: оформлю кадрами из фильма. Так мы поступили со Шмелевым. Увы, с Платоновым не получилось, качество съемки не подошло для полиграфии. Пришлось заново восстанавливать каждую картинку. В книге нет ни одного «родного» кадра. Только авторские повторения или дополнения — некоторые изображения создал специально для нынешнего издания.

СВОЙ: Трудно перевести платоновский текст на визуальный язык?

Петров: Весьма непросто. Ведь занимаешься адаптацией литературного образа, причем воплощаешь собственные прочтения. Пытаешься угадать идеи, заложенные писателем. Стараюсь быть максимально честным читателем и не увлекаться импровизациями — важно сохранить присутствие автора. Не знаю, насколько удастся. Но зрители вроде бы не противятся моим трактовкам.

Ксения Воротынцева

Дорогой лунноЮ

14 сентября 1959 года крупнейшие западные газеты вышли с аршинными заголовками «Русские попали в Луну». В самом начале тех суток — в 00 ч. 02 мин. 24 сек. по Москве — советская автоматическая станция «Луна-2» впервые в мире достигла поверхности естественного спутника Земли. Уже на следующий день довольный Никита Хрущев летел в США на переговоры с Дуайтом Эйзенхауэром, прихватив в подарок копию шара, состоявшего из пятиугольных вымпелов с гербом СССР. Оригинал накануне разлетелся горячими осколками после жесткого прилунения.

В. ВОЛИКОВ. ПЛАКАТ «ТЕБЕ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО!»

Андрей Самохин

Советская «Мечта»

Похожий на футбольный мяч, «сшитый» из нержавеющей пятиугольников шарик изготавливали на Монетном дворе несколько раз — пять предыдущих попыток достичь Луны потерпели фиаско.

Неудач американских лунных «Пионеров» — взорвались на старте, упали в океан — насчитывалось в то время почти вдвое больше. Промах сумевшего так набрать вторую космическую скорость, но промчавшегося мимо Луны «Пионера-4» случился на два месяца позже аналогичного советского казуса, произошедшего с аппаратом «Луна-1» в январе 1959-го. Да и «промазали» мы в тот раз не столь значительно, оказались на порядок ближе — 6 000 вместо 60 000 километров.

И в технике, и в пропаганде тогдашние русские знали толк: не попавшую в цель, однако вышедшую на гелиоцентрическую орбиту станцию «Луна-1» изобретательно назвали для всего мира первой искусственной планетой «Мечта». Так что по всем параметрам СССР тогда обыгрывал американцев в космосе вчистую. Позади у нас был запуск первого искусственного спутника Земли, впереди — триумфальный полет Юрия Гагарина. Энтузиазм инженеров и конструкторов уже начали в полной мере разделять и обитатели Кремля. Их умиротворило создание надежного фундамента ракетостроения, и прежде всего гениальной королёвской Р-7, на модификациях которой не только строилась оборона, но и основывались все наши космические планы.

Еще одна ступень

Поскольку для достижения поверхности Луны — в отличие от территории США — двух ступеней Р-7 уже не доставало, Сергей Королев предложил третью. С ее помощью ракету можно разогнать до второй космической — 11,2 км/с. Эту ступень назвали «блок Е», а аппараты с ней — «серией Е». Двигатель РД-0105 на кислородно-керосиновом топливе оперативно разрабатал в воронежском ОКБ-154 талантливый конструктор Семен Косберг.

«Два года, следовавших за спутниковыми успехами 1957 года, по темпам и напряжению были подобны военным, — отмечал в своей книге «Ракеты и люди» соратник Королева Борис Черток. — Попасты в Луну надо было обязательно. Теперь этого требовал не только Хрущев. Наше самолюбие было задето. Мы не допускали и мысли о дальнейших неудачах. На технической и стартовой позициях все работало с неистовым желанием успеха. Работа шла круглосуточно».

Планов предстояло реализовать громадьё, выстрел по Луне был далеко не единственным в ракетной программе. Параллельно проектировался тяжелый

«Луна-2»

спутник для фоторазведки, ставший впоследствии знаменитым космическим кораблем «Восток». Сотни ученых просчитывали скорые, как думалось, пилотируемые полеты на Луну, Марс и Венеру.

«Создание Р-7 и наращивание ее последующими ступенями открывало такие перспективы, что хотелось делать все как можно скорее, как можно чаще потрясать мир и самим замирать от восторга, слушая голос Левитана: «Внимание! Говорят все радиостанции Советского Союза! Передаем сообщение ТАСС! Сегодня, в соответствии с программой исследования космического пространства и подготовкой к межпланетным полетам...» — свидетельствовал Черток.

Межпланетная связь

Внеземное будущее человечества, казалось, уже у порога, оставалось лишь сделать несколько широких и точных шагов. И один из них был предпринят 12 сентября 1959 года, когда с Байконура ракета-носитель «Восток-Л» с задержкой от заданного времени в одну секунду вывела на нужную траекторию станцию «Луна-2».

Ее масса составляла 390,2 кг, диаметр сферы — чуть больше метра. Корпус состоял из двух металлических полушарий: в одном — четыре штыревые антенны радиопередатчика, в другом — всевозможные счетчики (в том числе Гейгера), магнитометры, детекторы микрометеоритов. Ну а внутри — два полых металлических шарика разных размеров, составленных из пятигранных гербовых выпелов. В шаровых пустотах хранилась взрывчатка со взрывателем, срабатывавшим от удара о лунную поверхность. Причем направленность взрыва была рассчитана так, чтобы его энергия гасила хотя бы некоторые осколки, которым предстояло лежать на Селене в качестве первых оставленных человеком артефактов.

Столкновение станции со спутником Земли на скорости больше трех километров в секунду зафиксировали многие мировые обсерватории, сфотографировавшие поднятое облако пыли. Любопытная деталь: конструкторы предусмотрели даже санитарную защиту Луны от земных микробов; внутри была припасена ампула с формальдегидом, которая, разбившись, обезопасила гипотетических лунных жителей от попутной заразы.

Решал ли этот полет какие-то научные задачи? Несомненно. Было точно установлено: у Луны нет сколь-нибудь значимого магнитного поля, отсутствуют радиационные пояса. При этом у ее поверхности анализаторы зафиксировали некоторое увеличение концентрации газов. Из телеметрии, передаваемой на Землю, ученые узнали силу солнечного ветра, интенсивность обстрела метеорными частицами.

Чтобы понять, с какой точностью работали наши конструкторы, достаточно ознакомиться с парой

цифр из техзадания для аппаратов аналогичного типа (по сегодняшним меркам, это простые «шарики» без посадочных и коррекционных двигателей). Ошибка в определении скорости ракеты при выключенном двигателе всего на один метр в секунду приводила к отклонению точки встречи с Луной на 250 км. Примерно такой же промах вызывала задержка старта с Земли на десять секунд. Успех миссии «Луны-2» сравнивали с попаданием дробиной в глаз прыгающей белки с расстояния в километр. А ведь у космических «снайперов» не было суперкомпьютеров и программируемых бортовых систем, их функции выполняли огромные медленные ЭВМ и радиоуправление с Земли.

Про последнее стоит сказать отдельно. Связь с ракетой и аппаратурой внутри «Луны-2» осуществлялась исключительно с помощью радиосигналов. Но на такое расстояние (четыре тысячи километров!) прежде радиосвязь, разумеется, никогда не устанавливали. А от оперативности команды с Земли зависело своевременное отключение ракетных двигателей и точное попадание аппарата в заданную цель. Телеметрия осуществлялась по шести параметрам движения. При этом никто не знал, какие искажения сигналов можно ожидать вблизи Луны. По-хорошему, требовались мощные наземные антенны с эффективной площадью не менее 400 квадратных метров, но таковых в ту пору просто не существовало. Для решения нетривиальной задачи пришлось с помощью русской сметки доработать 7,5-метровый параболический рефлектор трофейного радиолокатора «Большой Вюрцбург», когда-то ориентированного немецкие истребители на авиацию противника. Покумекали и над американскими радиолокационными станциями SCR-627, поставившимися в СССР по ленд-лизу.

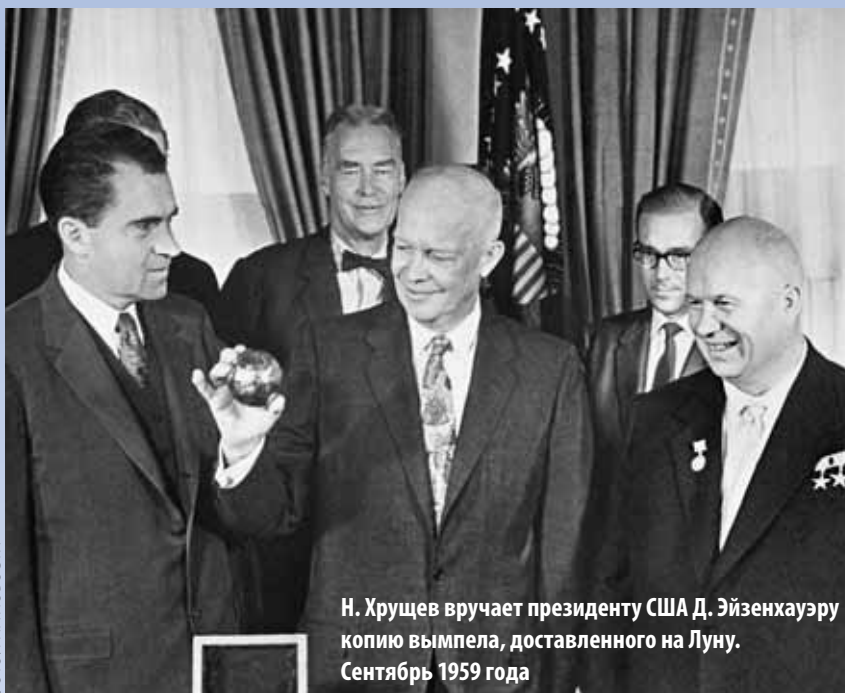

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Н. Хрущев вручает президенту США Д. Эйзенхауэру копию вымпела, доставленного на Луну. Сентябрь 1959 года

В качестве наиболее подходящей по высоте точки выбрали Крымскую обсерваторию ФИАН в Симеизе, там уже имелись свои рефлекторы. Приемную часть наземной аппаратуры смонтировали стационарно, а передающую поставили на шасси ЗИЛа-151. Так был создан первый в истории человечества пункт связи с межпланетной космической станцией.

Один — туда, Другой — в Америку

Политический эффект от этого успеха советской космонавтики трудно переоценить. В нем было два ярко выраженных аспекта, которые друг друга усиливали. Первый, самый важный по тем временам, — чисто военный: если русские сумели достать до Луны, то по Штатам в случае необходимости ударят без проблем. В самолете, доставлявшем Хрущева на встречу с президентом США, состоялся примечательный разговор. Когда Никита Сергеевич вынул из футляра блестящий шарик из пятиугольников и похвастал им перед американским штурманом Гарольдом Ренегаром, тот живо отреагировал: «Здорово придумали! Одну такую штуку запустили на Луну, а вто-

рую запускаете теперь к нам, в Америку».

Другой, не менее значительный, заключался в опровержении «дремучести» русских, отсталости социалистического строя, якобы не способного к великим научно-конструкторским прорывам. Второй после запуска спутника урок от СССР был чрезвычайно показательным. Руководивший космической программой США главный конструктор Фау-2 и бывший штурмбаннфюрер СС Вернер фон Браун полет «Луны-2» прокомментировал журналистам мрачным тоном: «Россия намного обогнала Соединенные Штаты в космических проектах, и никакими деньгами упущенное время не купишь».

Эйзенхауэр, в свою очередь, долго и задумчиво вертел в руках подаренный «мячик» с блестящими советскими символами. Грусть президента усугублялась сообщением, поступившим в Белый дом буквально за пару часов до встречи с Хрущевым: очередная попытка запуска американского спутника завершилась провалом.

Поблагодарив сияющего Никиту Сергеевича за подарок и поздравив советский народ с успехом, президент пообещал передать модель вымпела в музей своего род-

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШУСТОВ/РИА НОВОСТИ

Московские радиолюбители слушают позывные ракеты, запущенной 12 сентября 1959 года

ного города. В ответ руководитель ЦК КПСС произнес заранее заготовленную тираду: «Мы не сомневаемся в том, что замечательные ученые, инженеры и рабочие Соединенных Штатов Америки, которые трудятся в области завоевания космоса, также доставят свой вымпел на Луну. Советский вымпел, как старожил Луны, будет приветствовать ваш вымпел, и они будут жить в мире и дружбе, как и мы с вами на Земле должны жить в мире и дружбе».

Этот дипломатический ход, как, впрочем, и весь визит Хрущева, не привел к ожидаемой разрядке напряженности. Зато породил в Союзе веселую частушку, которую осмелевшие интеллигенты распевали под гитару в стиле буги-вуги: «Мир победит, победит войну; полетим мы с Сэмом на Луну. Засеем всю Луну, как целину, жуй кукурузу, кукурузу, кукурузу».

Перехват инициативы

В истории науки и техники, как и в политике, не бывает вечного первенства. Еще несколько лет оглушительных космических успехов нашего государства, самым ярким из которых стал полет первого

человека в космос, сменился периодом относительных неудач. По крайней мере — в лунной гонке (в нее мы тогда втянулись не на шутку). И хотя по программе «Луна» еще в начале 1960-х были продуманы многие вопросы, связанные с советской базой на лунной поверхности, а все первые успехи по исследованию естественного спутника Земли — начиная от его облета, фотографий обратной стороны и заканчивая первыми мягкими прилунениями с передачей научной информации — имели марку «сделано в СССР», не удалось дело с выпуском тяжелой

ракеты для пилотируемой экспедиции. Н-1, разработанная в королёвском ОКБ, терпела аварию за аварией, а штатовцы тем временем шаг за шагом приближались к заветной цели со своими «Аполлонами».

Тогда, в 1959-м, после победы «Лунника» (так окрестили «Луну-2») Вернер фон Браун на пресс-конференции произнес еще одну знаменательную фразу: «Я убежден в том, что, если Россия немедленно остановится, мы сможем догнать ее через один, два или три года».

Она, конечно, не остановилась, однако спустя почти десять лет (когда Королева уже не было в живых) США таки догнали и перегнали СССР, высадив своих астронавтов в Море Спокойствия. В достоверности данного факта сегодня многие сомневаются, но это никак не меняет официальной летописи космонавтики.

Первый в мире советский «Луноход-1», прочертивший в 1970-м борозды в лунном грунте, был, в общем-то, слабым утешением в проигранном состязании. Однако еще долго, два десятилетия, мы не могли считать себя проигравшими в целом. Советские успехи в космической области были разнообразными и впечатляющими, пусть и не такими яркими, как на ее заре.

Даже сегодня, когда место главных космических ньюсмейкеров мы уступили Америке и Европе, у нас за плечами есть неунничтожимый исторический задел: мы были первыми на орбите, Луне, Марсе, Венере. Это может казаться досадным бременем, «обязывающим соответствовать» — причем в то время, когда хочется, не мудрствуя лукаво, посчитнее и потеплее устроиться в своих земных норках, — но рано или поздно станет стартовой площадкой, с которой уйдут к звездам новые русские корабли.

С. Герасимов на Киностудии
детских и юношеских фильмов
имени М. Горького. 1981

ФОТО: ВИКТОР ЧЕРНОВ / РИА НОВОСТИ

Пик кинематографии

Николай Ирин

Сто лет назад, когда свирепствовала Гражданская, усугубленная иностранной интервенцией война, совслужащие объединили усилия с киношниками, чтобы отыскать самую короткую и верную дорогу к сердцам-умам малообразованной или даже совсем неграмотной многомиллионной массы. Именно тогда у нас была впервые манифестирована на государственном уровне — самим фактом учреждения киношколы — насущная необходимость качественного масскульта. ВГИК — кузница кадров, творческая лаборатория, первое на планете государственное образовательное учреждение в сфере кинематографа.

ПОНЯТНО, что учреждали не без корысти: визуальная образность, да к тому же динамичная, предельно реалистичная, предъявляемая в таинственной, наэлектризованной коллективными эмоциями темноте, позволяет развернуть образцовую пропаганду. С другой стороны, учебное заведение сугубо пропагандистского толка долго не продержалось бы, не снискало сначала общенационального, а затем и мирового успеха.

Государственная школа кинематографии при фото-кинематографическом отделе Наркомпроса первоначально располагалась в съемном помещении: арендовали две комнаты бывшей частной квартиры на углу Советской площади и Тверской. Объявили набор — пока лишь на актерский факультет. Хотя «факультет» — громко сказано. На самом деле абитуриентов (такого слова в употреблении еще не было) приглашали пройти отбор в мастерскую киноактеров, как именовали исполнителей экранных ролей. «Настоящие актеры», с психологическим диапазоном и яркой манерой — в МХТ, Малом, Александринке, а эти, киношные, казалось тогда, должны более-менее уметь изображать «натуру»: позу, стать, слезы, улыбку. Впрочем, процесс обучения от этого не был проще: эмоциональную пластику, мимическую выразительность, танцевальные навыки, фехтование и акробатику всем поступившим приходилось доводить до совершенства: один из ведущих режиссеров дореволюционного кино Вла-

димир Гардин, возглавивший процесс обучения, приблизительно не терпел. Поскольку с пленкой и кинокамерами было туго, а поначалу и вовсе никак, сколотили внушительных размеров бархатную рамку, с помощью которой начинающие натурщики учились располагать свои тела в пространстве кадра. Площадь рамки мож-

но уменьшить, и тогда получается «крупный план».

Настоящей легендой раннего периода киношколы стал режиссер, экспериментатор и теоретик Лев Кулешов. «Мы делаем картины — Кулешов сделал кинематографию», — позже отзывались о нем восхищенные коллеги. Создавший свою первую мастерскую как раз в

ФОТО: ЮРИЙ ЛИЗУНОВ/ГЛАСС

Студентка ВГИКа на занятиях вокалом. 1983

ФОТО: МИРОСЛАВ МУРАЗОВ/РИА НОВОСТИ

Студенты ВГИКа на занятиях по рисунку. 1965

1919-м, Лев Владимирович умудрялся сочетать активную режиссерскую практику с разработкой новаторской теории монтажа и воспитанием потрясающих учеников. Мастера советского и мирового кинематографа Всеволод Пудовкин, Борис Барнет, Михаил Ромм, Александра Хохлова, Сергей Комаров учились у Кулешова. В своих воспоминаниях с присущей гражданину пролетарского государства прямоотой этот выходец из помещичьей среды писал: «Состав студентов школы в начале ее организации был очень пестрым — наряду с талантливой молодежью, мечтающей о работе в революционном киноискусстве, в школу шли «авантюристы», буржуазные дамы — школа забывала от трудовой повинности. Среди учеников школы был Алехин, будущий чемпион мира по шахматам, бывший миллионер коннозаводчик

Поляков, «дама полусвета» Настя Натурщица — жена владельца десятков магазинов готового платья Манделя и, как говорили, любовница великого князя Дмитрия, участника убийства Распутина, и другие «бывшие люди». Помню, как всех нас поражала зажигалка (спичек тогда почти не было) Насти Натурщицы — она была сделана из чистого золота. Но «студенты», подобные Полякову и Насте Натурщице, не задерживались в школе слишком долго — одни из них эмигрировали, а другие попали в ЧК».

Совсем скоро определились лидеры кинопроцесса. В 1921-м, демобилизовавшись из Красной армии, учебное заведение возглавил сценарист, критик, а впоследствии еще и теоретик киноискусства Валентин Туркин. В 1925-м, когда школа была преобразована в Государственный техникум кинематографии, именно Валентин Константинович стал его ректором. На излете десятилетия, ознаменовавшегося выдающимися свершениями нашего киноискусства — вклад в них выпускников и преподавателей школы и техникума был огромен, — статус училища повысили до вузовского, а 17 мая 1938-го впервые зазвучало всем известное ныне наименование ВГИК — Всесоюзный государственный институт кинематографии.

Первопроходцы приступили к написанию основополагающих учебников: «Драматургия кино» (Туркин) и «Основы кинорежиссуры» (Кулешов). И это неудивительно — дело-то, в сущности, совсем новое, одалживаться не у кого. В двадцатые годы наши, немцы, французы и американцы создали несравненные образцы «великого немого», однако с появлением звука фильмы стали еще привлекательнее и демократичнее. Теперь уже тотальное жизнеподобие бросило новые вызовы, и советские деятели отвечали на них по всем фронтам.

При этом регулярно появлялись новые специализации. В 1923-м открылся киноинженерный (опе-

Л. Кулешов

ФОТО: РИА НОВОСТИ

М. Ромм

ФОТО: ВИКТОР ШАНДИН/ТАСС

С. Эйзенштейн среди студентов ВГИКа. 1948

ФОТО: ЮРИЙ ЛЕВАНТИН/РИА НОВОСТИ

раторский) факультет, через год набрали первую сугубо режиссерскую мастерскую, в 1931-м объявили прием на административно-хозяйственный (экономический) факультет. По мере становления менялись адреса: от здания бывшего ресторана «Яр» на Ленинградском проспекте до специально построенного, окончательно открывшегося в 1955-м теперешнего здания на улице Вильгельма Пика.

Неизменной оставалась «фирменная», артельная солидарность студентов и преподавателей. Кино слишком технологично, чтобы делать его в одиночку. Без помощи слаженной команды можно произвести разве только полуфабрикат: написать сценарий, подготовить подробную режиссерскую разработку с пояснительными картинками, разучить роль. Но чтобы осуществилось финальное чудо публичной проекции большого, содержательного материала, необходимы дружные усилия десятков, даже сотен единомышленников. Одновременное существование студентов разных специальностей в едином силовом поле помогало им понять логику процесса в целом. В институтских корпусах, учебной студии, даже в легендарных вгиковских общежитиях на Будайской и на Галушкина этот процесс не прерывался никогда.

Уникальная творческая и человеческая атмосфера — главная отличительная черта ВГИКа.

Ведущие советские кинематографисты считали преподавание здесь необходимым для себя делом. В 1928-м, будучи уже всемирно известным, пришел в кинотехникум Сергей Эйзенштейн. В 1932-м, вернувшись в СССР из многолетней творческой командировки, он возглавил кафедру кинорежиссуры и преподавал до самой смерти. Эльдар Рязанов, заставший Мастера в годы своего обучения во ВГИКе, подчеркивал особую важность пускай кратковременного, зато плодотворного взаимодействия с мэтром. Характерен пример передачи эстафеты. Два художника, совершенно различных по природе дарования, — один формально изощренный и сориентированный на мировые стандарты, другой по-интеллигентски душевный, снимающий исключительно для внутреннего потребления, — демонстрируют нам спустя много лет, что такое настоящая вгиковская преемственность и что представляют собой тонкие творческие настройки.

Из режиссерско-актерских мастерских Сергея Герасимова вышел за десятилетия целый батальон высокопрофессиональных, духовно развитых актеров и постановщиков: Сергей Бондарчук и Татьяна Лиознова, Лев Кулиджанов и Николай Рыбников, Инна Макарова и Клара Лучко, Зинаида Кириенко и Галина Польских, Сергей Никоненко и Кира Муратова. Перечислять можно очень долго. И, конечно, не случайно после смерти Сергея Аполлинариевича его имя было присвоено ВГИКу.

Другой кумир института — Михаил Ромм. Выпускник мастерской Кулешова воспитал целую плеяду именитых кинорежиссеров. Андрей Тарковский, Василий Шукшин, Григорий Чухрай, Александр Митта, Никита Михалков, Сергей Соловьев и многие другие обуча-

лись у него не формально и отнюдь не «по узкому профилю».

Великий профессионал Вадим Юсов долгое время возглавлял кафедру операторского искусства, блистательный Алексей Баталов — актерского мастерства. Сам факт включенности звезд такого уровня в повседневный учебный процесс гарантировал осмысленность и нетривиальность.

миллионы зрителей художественность.

В «сложные» 1990-е, когда в целях оптимизации-экономии срок обучения на актерском факультете сократили с пяти лет до четырех (а это, в свою очередь, создало проблемы многим иностранным выпускникам, чьи дипломы ставились под сомнение за рубежом), невиданный доселе ущерб был нанесен не только

В монтажной ВГИКа. 1979

ФОТО: ВИКТОР ЧЕРНОВИЦА / НОВОСТИ

Даже в постсоветский период, когда появились новые амбициозные киношколы, авторитет ВГИКа оставался все еще на недосягаемой высоте. Несмотря на серьезный спад художественного уровня кинопродукции, надежды на «светлое будущее» мы по-прежнему связывали с главным кинематографическим институтом, рассуждая примерно в таком ключе: остальные рано или поздно подтянутся, главное, чтобы ВГИК, как в свои лучшие времена, отыскал способ магического преобразования присущих его первокурсникам дерзости и воодушевления в убедительную, завораживающую

ВГИКу, но и всему национальному кинематографу. Ведь кино, как никакое другое искусство, зависимо от общественного климата, ясности мышления доминирующих социальных групп, материального и эмоционального благополучия широких народных масс.

Тот бесславный период, будем считать, позади, и первый повод для оптимизма — то, что институт развивается в психическом изменении, непрерывно что-то внутри себя варит.

В кино приходят и за деньгами, и за статусом, и даже за властью, но ни того, ни другого, ни третьего всерьез и надолго не получишь без

ФОТО: А. АБАЗОВ, Р. ШАГАЕВ/ТАСС

Студенты ВГИКа. 1986

здоровой, бескорыстной в своей основе творческой одержимости. Артельщики всех возрастов и специализаций, разного жизненного опыта и социального положения озадачены идеей создания красивой, убедительной мифологии, которая всегда решает важнейшие задачи по нашей общей адаптации: друг к другу, к безумию технического прогресса, опасным идеям и внезапным цивилизационным вызовам. Потребность в этом настолько велика, что нам уже мало традиционного киноформата (заказываем длинные сериальные саги, поскольку лишь неторопливая медитация перед экраном способна порой успокоить душу и дать заветную подсказку разуму).

«Кинематограф тоже есть песня, былина, сказка, причитание, заговор», — Корней Чуковский гениально изложил первую, по сути, теорию киноискусства еще тогда, когда его фактически не существо-

вало, если не признать таковым бессвязные движущиеся картины. До появления первой отечественной киношколы было лет десять, но в голове проницательного русского писателя и критика уже сложилось верное представление о тех людях, которые, явившись из ниоткуда, возьмутся создавать сугубо

развлекательный балаган, а в результате дотянутся до психологических бездн и высочайших социологических обобщений. ВГИК — то место силы, где уже целый век фантазию возвышают до мудрости, а производственный план — до визуально убедительного проекта счастливого мироустройства.

ФОТО: ЕВГЕНИЙ БИЯТОВ/РИА НОВОСТИ

Старт акции «Кинопоезд ВГИК-95»

И хладный пламень их покрыл

Тот год был необычный. Из-за дурацких и судьбоносных для страны подвижек мы чуть было не остались без охоты, а это уже по-настоящему серьезное и скорбное событие в скоротечной человеческой жизни.

Угодья наши по случайной географической прихоти рассек рубеж двух древних северных губерний, но дичь ничего об этом не знала. Следом за ней и мы много раз на дню проникали из вологодских земель в архангельские и обратно. Вместо охоты в памяти застряла только эта беготня туда-сюда и еще переполох, случившийся в последнюю ночь. А началось все с вальдшнепов, с кого же еще. Недаром к этим загадочным куликам даже название-прозвище иноземное приклеилось — странное и непонятное.

Михаил Булгаков

ОНИ, ПРОЛЕТНЫЕ, не гурьбой, не шибко толпясь, но все же шли на юго-запад по тайным путям-дорогам, веками проторенным по небу.

С дружным весенним паломничеством птиц, веселящим душу, это тихое кочевье нечего и сравнивать, — в сентябре вместе с природой утихают, глухнут чувства, и все-ленская грусть почти без остатка заполняет охотничье сердце. Осенью от вальдшнепов шума никакого нет, но само их присутствие хотя бы на толику насыщает лес жизнью. А за два дня до окончания нашей охоты они и вовсе исчезли. Откочевали — осень.

Зато первые заморозки раззадорили косачей, в ясное холодное утро у них в головах что-то перекинуло — голосят во все горло, но осенний тетерев чуток и недоверчив, на шармачка его не возьмешь, а до весны еще дожиться надо. И в последний вечер ничего не оставалось, как снова сторожить пролетных вальдшнепов. Охотничьи псы, сонно зевавшие под хозяйскими нарами, вмиг воспрянули и закужились в вихре собачьей половецкой пляски.

Могучий дикий ветер гнал волны холодных туч во весь горизонт, словно кто-то все-сильный и невидимый сидел в северной стороне и забавлялся: наберет побольше воздуха, надует щеки и — ш-ш-ш-ш-ш-ш... Какие уж тут вальдшнепы.

Очередная туча-волна неотвратимо росла и пучилась, чудовищным перезрелым плодом растекаясь по небу над головой. Черно-сизая, она все ползла и ползла, пока не залезла в душу и не обволокла ее мрачной тоской, и тем не менее в избу к печке так и не прогнала.

Дыхание Земли завораживало и будило любопытство: что-то будет дальше, в такой вечер непременно должно что-то произойти.

В северной дали снова высветилась полоса чистого неба, а туча нехотя двинулась в противную сторону к югу, к Москве. Привычнее было бы сказать, что в противоположную сторону, однако русский язык допускает и такую форму — «в противную», может быть, даже точнее.

И все-таки ветер или тот, кто надувал щеки где-то на севере, выдохся, и на небе реденько проклюнулись звезды. Только тогда в двух шагах я увидел на ольшинке маленькое гнездо. Пять вечеров кряду стоял, словно караульный, на этом месте, а его не замечал. Когда-то оно было укрыто в развилке на уровне пояса, а теперь, пустое, покинутое, сиротливо скобочилось и давно упало бы, но зацепилось за сучок. Осень... Неужели жалкое старое гнездо только и останется в памяти как образ любимого северного края? И как быть с предчувствиями, с ожиданием чуда? А никак, откуда ему взяться в здешних лесах и болотах, на ровном-то месте.

С тем и зачехлили ружья, постояли у прощального костра — завтра домой. А ночью кто-то вышел на двор и забил тревогу. Спросонья, в одном исподнем выскочили из избы. То, что творилось на небе, никто из нас прежде не видел. Это были не зарницы, не отблески отдаленной грозы, такой, что не слышно громовых раскатов. Зарницами нас было не удивить, но сейчас опрокинутая картина небесного свода завораживала.

Где-то в недоступной глазу дали, из самой маковки земного шара к зениту стремились, расщепляясь веером, умопомрачительные столбы голубого огня и таяли в лунном свете, накрывая часть небосвода серебристо-белым покрывалом из мельчайшей, переливчато-сверкающей пыли. Лучи, исходящие от земли, беспокойно струились, то и дело сжимались в пучок и рассыпались, медленно вспыхивали и внезапно исчезали. И откуда-то из-за дуги живого вее-ра наплывали, пульсируя и мерцая, сияющие волны, огромные и неопределенные, как предчувствия. Картины, порожденные вздохами земной атмосферы, импульсами незримых магнитных полей, не повторялись и были похожи на волшебную безмолвную игру, захватывающую человека так же, как и вечная симфония бесконечного пространства. И что-то совсем уж глубинное, молекулярное внутри каждого из нас заволновалось и стало вибрировать в такт неостановимой игре света и тьмы.

Впечатлительного Ломоносова когда-то чрезвычайно занимала суть этого неопишуемого явления. Он знал его заморские названия (Auriga Borealis, Northern lights, Streamers) и родное речение «сполохи», но все равно восклицал иначе: «Се хладный пла-

мень нас покрыл!» А почему бы не объяснить бурное развитие его пытливого ума потрясением в детстве, когда он впервые увидел «свет неземной»? Панорама фантастического пиршества природы Беломорья не отпускала Ломоносова всю жизнь, и он уже в зрелом возрасте воспроизвел ее поэтическими штрихами:

Что зыблет ясный ночью луч,

Что тонкий пламень в твердь разит?..

Как может быть, чтоб мерзлый пар

Среди зимы рождает пожар?

Да что Ломоносов! Уж на что полярник Фритъоф Нансен был трезвым человеком, не поэтом, а с нордическим, даже железным нравом, так и тот едва не заговорил стихами при виде полярного сияния: «Я никогда раньше не мог себе представить, что Земля когда-нибудь остынет и сделается необитаемой и пустой. К чему тогда вся эта прелесть, если нет создания для наслаждения ею? Теперь я начинаю понимать это. Здесь, на Севере, будущее Земли, здесь красота и смерть. Но почему? Зачем создана вся эта необъятная и сказочная сфера? О, читайте ответ в сиянии северного пространства!»

Так говорили помор и викинг. Но если подбирать одно-единственное слово для этого буйства стихии, то не подойдет ли более всего «Гимн» — настолько гармония грандиозного безмолвного зрелища созвучна утробной, вздымающейся к небу органной музыке, баховским фугам, рожденным из восторга и страха перед вечностью и смертью. И совсем неспроста Всевышний подарил редкостную отраду — полярное сияние — именно скудной и невзрачной северной стороне...

В природе стало совсем тихо и торжественно, казалось, что никто не способен потревожить величественную картину, как вдруг на фоне бесконечного голубого зарева из ниоткуда возник крохотный силуэт запоздалого вальдшнепа-полуночника. Летел он неторопливо и странно, по замысловатой кривой линии, спотыкаясь и падая в невидимые воздушные ямы, уворачиваясь от несуществующих препятствий. Его полет был похож то ли на выкрутасы припозднившегося гуляки, то ли на веселую игру, когда птица вздумала искупаться в мерцающем свете и мягких магнитных волнах.

К нашему удивлению, заблудившийся, на время потерявший способность ориентироваться вальдшнеп заложил большую дугу и скоро появился снова, но полет его уже выправился, стал стремительным. Казалось, он совершенно не походил на своих сородичей, что специально задержался, дабы увидеть северное сияние, а дождавшись, убрался восвояси — с наших глаз долой, из леса, с Вологодчины, а может быть, и из России. Но думать, размышлять об этом не хотелось — такие мысли-знания умножают печаль.

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

Насолить по полной

Максим Сырников

«А вот лесная наша говядинка, гриб пошел!
Пахнет соленным, крепким. Как знамя великого торго постного, на высоких ше-
стах подвешены вязки сушеного белого гриба...» — читаем в «Лете Господнем».

ЛОПАСНИНСКИЕ, белей снегу, чище хрустало! Грибной елараш, винегретные... «Похлебный гриб сборный, ест протопоп соборный! Рыжики соленые-смоленые, монастырские, закусочные... Боровички можайские! Архирейские грузди, нет сопливей!.. Лопаснинские отборные, в медовом уксусу, дамская прихоть, с мушиную головку, на зуб неловко, мельчей мелких!..» — богатство русской грибной торговли вряд ли кто-то мог живописать лучше Ивана Шмелева.

И хотя процитированный фрагмент относится к весенней поре, «лесную нашу говядинку» соотечественники заготавливают в конце лета и осенью, поэтому самое время предложить читателям «Своего» рецепт засолки. Рыжики и белые грузди в этом плане — лучшие грибы. Солят их порознь, сохраняя каждый вид в отдельной кадлушке.

Грибы ставят на стол с растительным маслом, их едят с блинами, запекают в пироги, добавляют в соланку и постные похлебки.

Грибы нужно перебрать, почистить, отрезать ножки, отступив 1 см от шляпки, тщательно промыть. Перед засолом все, кроме рыжиков, вымочить для удаления млечного сока — залить подсоленной водой. Воду необходимо менять каждые 10 часов. Время вымачивания белых и желтых груздей — 24 часа, прочих грибов — 2–3 дня.

Подготовленные грибы шляпками вниз нужно опустить в засолочную тару, пересыпать солью, переложив листьями смородины, хрена и зубчиками чеснока. Поверх последнего слоя листьев положить прокипяченную холщовую салфетку либо сложенную в 2–3 слоя марлю, затем деревянный или полиэтиленовый круг, а на него — гнет массой 10 процентов от веса грибов.

При необходимости нужно подливать 4-процентный раствор соли, чтобы верхний слой не высыхал.

Хранить заготовки необходимо при температуре плюс 2–8°C. Рыжики будут готовы через две недели, грузди и другие грибы — через 1–1,5 месяца.

- # 5 кг лесных грибов (грузди, рыжики, волнушки, горькушки и т. д.)
- # 150–200 г крупной нейодированной соли
- # 2 средние головки чеснока
- # 300 г укропа — стеблей, соцветий, листьев
- # 300 г листьев черной смородины
- # Несколько листьев хрена

ПАВИЛЬОН В ПАВЛОВСКЕ. РИСУНОК Д. КВАРЕНГИ

Своя

СЕНТЯБРЬ 2019

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Нарциссы